

МАТЫШЕВА

АННА

Иногда полезно
иметь плохую
Память

Анна Витальевна Малышева

Иногда полезно иметь плохую память

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129772

Иногда полезно иметь плохую память: Роман: Астрель, АСТ, ВЗОИ;

Москва; 2004

ISBN 5-17-020712-3, 5-271-09757-9, 5-9602-0573-4

Аннотация

Она встретила мужчину своей мечты, и все бы хорошо... Но Юлия видеть его не может! Она задыхается и теряет сознание, и ей вспоминаются подробности из детства, которые она хотела бы забыть. Почему?! Ведь она его любит! Дело в нем или...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	42
Глава 3	79
Глава 4	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Анна Витальевна Малышева

Иногда полезно иметь плохую память

Роман

Он хватается меня за плечи и хочет что-то сделать со мной. Плечи у меня голые, а руки у него жесткие. Я начинаю плакать. Я не знаю, чего он хочет. Я не вижу его лица, но слышу его голос. Он кричит что-то, но от страха я не понимаю и половины слов. Я пытаюсь вырваться и приседаю на корточки. Он отпускает меня, я падаю на пол. На мне красное платье. Сегодня мама надела на меня красное платье. Я ему ничего не сделала. Я не вижу его лица. Слышу два голоса. Слышу, как один мужчина говорит другому: «Не смей ее трогать». У него голос куда добрее и мягче, чем у того, другого. А я, сидя на полу, плачу. Вижу свое красное платье, вижу стол, вижу окно, вижу их ноги. Сажусь на полу между ног двух мужчин. «Он тебя убьет!» – кричит один из мужчин. Он что-то еще говорит, но от страха я ничего не понимаю. Кроме того, он так громко кричит. Кажется, они говорят обо мне, но я ничего не могу понять. Сердце бешено бьется, и я прижала к этому месту руку. На одном из мужчин – синие брюки, на

другом – зеленые. Вижу только брюки. Слышу голоса. Меня хотят убить. Меня убьют. Уж это-то я понимаю.

Глава 1

– Юля!

– Юлька!

– Июль!

... До нее доносились знакомые голоса – глухо, словно издалека. Она вздохнула еще раз – и поразилась, сколько наслаждения может доставить это действие. «Я, кажется, лежу на полу... Жестко. Но как хорошо! Я дышу!»

Кто-то взял ее руку. «Щупают мне пульс, – поняла она. – Как болит голова. Очень болит голова».

– Принесите наконец нашатырь! – прозвучал над ее ухом раздраженный женский голос.

– Дышит? – Теперь голос был мужской. Юлька беззвучно пошевелила губами. Это движение вызвало у столпившихся над нею людей взрыв эмоций.

– Она что-то сказала! – завизжала женщина, требовавшая нашатыря.

– А по-моему, Юлька просто послала нас подальше, – раздался мужской голос над самой Юлькиной головой.

«Это Макс, – узнала Юлька. – И он в чем-то прав. Как они все кричат, просто невыносимо!» И она открыла глаза. Первое, что она увидела, было страшное мужское лицо – снизу оно обросло каштановой лохматой бородкой, над нею воровались круглые серые глаза, а рот был на лбу. Юлька взвизг-

нула и зажмурилась.

– В чем дело?! – испуганно спросил кто-то. «Вот именно, в чем дело? – подумала Юлька. – Что за урод?»

– Макс, она на тебя смотрела!

«Макс?!» – удивилась Юлька. Она открыла глаза и снова увидела над собой то же лицо. На этот раз она сдержалась и как следует рассмотрела его.

– А знаешь, Макс, – проговорила наконец девушка. – В неперевернутом виде ты мне нравишься куда больше!

– Представь, и ты мне тоже! – с готовностью откликнулся он. – Ведь я тебя сейчас вижу точно так же.

– Хватит вам! – взорвалась любительница нашатыря.

– Почему это хватит? – возмутился Макс. – Ей уже лучше. Ей всегда становится лучше от общения со мной. Это факт.

– Я хочу сесть! – сказала Юлька. Макс услужливо подхватил ее под мышки и усадил. Она смогла наконец оценить свое положение. Она сидела на полу, рядом валялся растоптанный кусок торта, а вокруг нее стояли люди – знакомые и не очень. Юлька потрясла головой и обратилась к Макс:

– Ты что, не понял? Я хотела сесть куда-нибудь!

Девушка, требовавшая нашатыря, не выдержала:

– А еще друзья называются! Отнесите ее на диван!

– Сейчас она сама всех нас положит на диван, – с опаской в голосе заявил Макс. – По-моему, ей уже совсем хорошо, – и протянул ей руку.

Юлька ухватила за его руку и поднялась с пола.

– И долго это длилось? – Она посмотрела на столпившихся людей.

– Твой обморок? Минуты две.

– А мне казалось – целый час. С вашего позволения, я посижу вот тут, на диванчике. Надеюсь, никому не испортила вечеринки? Со мной это в первый раз.

Она с ногами забралась на диван в углу комнаты и оттуда милостиво кивнула собравшимся.

– Так на чем вы остановились?

– На том, как муж пошел за пивом! – начал Макс.

– Верно, – подтвердила Машуня. – Ты отключилась, когда дошло до «тра-ля, цаца...».

– Я говорю вполне серьезно, продолжайте! Я с удовольствием послушаю еще раз про то, как муж пошел за пивом.

– Серега, включай! – попросила Машуня парня, стоявшего рядом с магнитофоном.

– Юлька, а тебе опять не поплохее? – неуверенно спросил парень.

– Слушайте, я совершенно здорова, – возмутилась Юлька. – Развлекайтесь, говорю вам. У нас праздник или нет?!

– Ладно! – Сергей склонился над магнитофоном. – С той же цифры, маэстро... Дубль два... Начали!

Он подхватил под локти Машуню, и они лихо заплясали некий танец, который с натяжкой можно было счесть немецким и народным. Юлька с удовольствием наблюдала за ними. Потом к танцующим присоединились Гарик и Лида, потом

– Наташа со своим мужем. Лавируя между танцующими, к дивану приблизился Макс со стаканом апельсинового сока в руке.

– На, выпей. – Он сунул стакан ей в руку и присел рядом. – Я кое-кого опередил.

– Ты о чем? – Юлька оторвалась от стакана.

– Я о том роковом молодом человеке, который сейчас стоит у стола. Видишь?

– Ну. Я же как раз с ним и танцевала, когда со мной приключился обморок. Так что же?

– Представь, он тоже хотел налить в стакан апельсинового сока. К счастью, кувшин был только один, и я его опередил. У нас вышел натуральный рыцарский турнир.

– Почему ты решил, что сок был для меня? – Юлька отдала ему пустой стакан.

– Он его не пьет, – коротко ответил Макс. – Я смотрел во все глаза, но он не сделал ни глоточка. Сначала я думал, что он хочет загладить свою вину, ведь ты рухнула как раз во время пляски с ним. Я думал, может, он тебе ненароком на ногу наступил или сказал комплимент...

– Никуда он мне не наступил, и ничего он мне не сказал, – отрезала Юлька. – Может, он просто джентльмен.

Макс вздохнул. Помолчал, глядя на танцующих.

– Скажи, а ты не замечала, что год от года на наших собирушках становится все больше посторонних?

– Замечала, – кивнула Юлька. – Я против этого. Наш вы-

пуск – это наш выпуск. Если Наташка приводит мужа, ее никто за это не осудит. Гарик вон тоже пришел с женой. Но если мы начнем таскать сюда кого попало... Правда, мы и времечко выбрали в этом году! – Юлька тоскливо оглядела комнату. – Июль. Все поразъезжались в отпуска. Остались только такие дураки-неучи, как мы с тобой...

– Оставим эту грустную тему. – Макс махнул рукой. – Меня сейчас интересует совсем другое.

– Что именно?

– Этот милый молодой человек... Ну, который не наступил тебе на ногу. Он-то каким боком здесь очутился?

– Кто его знает... – задумчиво протянула Юлька, разглядывая молодого человека, по-прежнему сиротливо стоявшего у стола. «Почему он не танцует? – мелькнуло у нее в голове. – Мог бы плясать с Гариковой женой. Как его зовут? Кажется, Женя... Евгений. Неплохо. И сам он недурен. Ну, почти красавец. Больше всего мне, пожалуй, нравится нос...»

– О чем задумалась, душа моя? – вежливо спросил Макс.

– Макс, как тебе нравится его нос? – напрямик спросила Юлька.

– Господи, чей?

– Да вон того самого парня, с которым я танцевала.

– Ничего. – Макс критически всмотрелся в парня. – Вполне нордический нос. И оба глаза на месте. Кажется, серые.

– Серо-голубые, – поправила его Юлька. – Мне лучше знать, я разглядела.

– Милая, я вижу, что-то тут неладно, – забеспокоился Макс. – Я, кажется, понимаю, почему ты грохнулась.

– Почему?

– Мимо пролетал Амур и поразил тебя своей стрелой.

– Ты идиот, Максик. Если что и летало в воздухе, так запах его одеколona. Он слишком сильно надушился. Впрочем, слушай, – сощурилась Юлька. – Он ведь, по твоим словам, тоже собирался принести мне сок? Разве не так?

– Зачем я это ляпнул? – затосковал Макс. – Почему в нем ты с первого взгляда нашла массу достоинств, а моих даже не замечаешь?

– Макс, скажу тебе, как женщина – мужчине, – загадочно произнесла Юлька. – Видишь ли... Я могу сколько угодно сидеть с тобой рядом... Не исключено, что мне захочется взять тебя за руку...

– Или пнуть меня в коленку, – подхватил Макс.

– Молчи, дурак!

– Все нежные чувства слились в твоем голосе, дорогая, – обиженно сказал Макс. – Почему именно я всегда у тебя дурак? Почему вот этот нордический принц не может оказаться беспросветным дурнем по сравнению со мной?

– Он уже не окажется дурнем, – возразила Юлька. – Я успела перемолвиться с ним парой слов и грохнулась в обморок.

– А о чем была пара слов?

– Знаешь, он сказал, что с самого начала вечеринки меч-

тал со мной потанцевать.

– Круто загнул! – уважительно заметил Макс. – Конечно, при таких условиях его любая женщина сочтет умницей и красавцем. Я бы так не смог завернуть. Врать не научен.

– Это, пожалуй, правда, – подумав, согласилась Юлька. – Сколько я тебя знаю, как ни соврешь – обязательно попадешься.

– Я был бы идеальным мужем, – вздохнул Макс. – Но на роль жениха пока не тяну. Ну не мечтаю я ни с кем танцевать с самого начала вечеринки! Если захочу потанцевать – пойду да приглашу. О чем тут мечтать? Глупые слова и заезженные, а действуют магически.

– Да, действуют... – согласилась Юлька.

– Погоди-ка, мы ушли от темы... – Макс полез в нагрудный карман рубашки и достал мятую сигарету. – Ты хотела мне что-то сказать, как женщина – мужчине.

– Ах да, верно... – Юлька призадумалась. – Ну вот, я могу сидеть с тобой рядом... Держать тебя за руку, беседовать о всякой всячине... Но у меня никогда не возникало желания... Ну, скажем, поцеловать тебя.

– Да ты ведь целовала! – изумился Макс. – Сколько раз!

– Дурень, в щечку, в нос, это все детские игры. Я люблю тебя братской любовью.

– А я тебя – сестринской, – проворчал Макс. – Продолжай.

– Макс, я тебе честно признаюсь. – Юлька приблизила губы к его уху. – Только не смейся. Знаешь, когда я с ним от-

плясывала... Я вдруг ужасно захотела, чтобы он меня поцеловал. Представляешь, ни с того ни с сего! Я безнравственная?

– Ты абсолютно безнравственная особа, – хмуро сказал Макс. – Стоит только вспомнить историю твоего первого падения...

– Ты так торжественно это называешь, – поморщилась Юлька. – Вся история того не стоит.

– Учти, дорогая, миллионы женщин не могут забыть своего первого мужчину.

– Ну, это при условии, что есть о чем вспомнить, – возразила Юлька. – Он оказался редкостным занудой, он мог говорить только о себе. Что же тут прикажешь вспоминать со слезами умиления?

– Экая ты неромантичная, – упрекнул ее Макс. – Ладно, допустим, что этот, с носом, окажется не так глуп. По-моему, начал он вполне профессионально.

– Слушай, Фрейд недоделанный, ты мне портишь всю романтику! – вскричала Юлька. – Я тебе говорю, как женщина – мужчине: он мне нравит-ся!

– Пас!

– Я ему – тоже! – победно заключила Юлька.

– Ты думаешь, из этого что-то может выйти? – критически заметил Макс. – Учти, у него вид профессионального пристава.

– Да? А почему же он ни к кому не пристаёт?

– Это вопрос. – Макс задумался. – Трудно допустить, что он в тебя с первого взгляда влюбился.

– Это почему?

– Видела бы ты себя!

Юлька схватилась руками за голову:

– Черт! Зеркало! Помаду! Умыться!

– Сначала помаду, а потом умыться? – удивился Макс. – Да, я никогда не вызывал у тебя таких странных желаний.

– Ты злодейский тип! – Юлька вскочила с дивана.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – Макс тоже поднялся.

Юлька глянула на него и прочла в его всегда чуть насмешливых глазах тень беспокойства. «Боже мой, – подумала она. – Если бы я его хоть капельку любила. Как бы мне было с ним хорошо. Увы, увы, увы...»

– Мне хорошо, – мягко сказала она. – До туалета сама дойду, не провожай.

– Юлька, ты не уходишь? – крикнул ей Гарик.

– Не дождешься. Готовьте румбу! Чтобы, когда я вернулась, она уже была! – Юлька триумфально удалилась в ванную. Заперлась и бросилась к зеркалу. «Блин, какая бледная поганка, – вздохнула она, глядя на свое отражение. – Зачем я родилась блондинкой, господи! У, анемичная морда!» Она символически плюнула в зеркало и открыла воду. Вымыла руки, прополоскала рот, обновила макияж и в полной боевой готовности вышла из ванной. Макс, ждавший ее у двери, дурачась изобразил, что падает на пол.

– Что ты сделала?! – в ужасе вскрикнул он. – Это же сексуальный идиотизм! Что ты намалевала себе вместо рта?!

– Молчи, хомяк, – грозно сказала Юлька, надувая свои пухлые губы, ярко покрашенные алой помадой. – Неплохо же вышло, разве нет?

– Это значит признаться ему в любви, – обреченно сказал Макс. – Ты хоть понимаешь, что влюбилась?

– Частица черта в нас... заключена подчас... – замурлыкала Юлька. – Макс, я иду к нему, к моему герою.

Макс кинулся в столовую с криком:

– Тушите свет! Преклоните колени! Вот идет она – богиня 11-го «А»! Милые дамы, никого не хотел обидеть, но это мое собственное субъективное мнение. Всем известно, что у меня дурной вкус.

– Сволочь. – С лучезарной улыбкой Юлька ткнула его кулаком в спину. Больше она ничего не успела сделать – герой ее мечты довольно бесцеремонно подхватил ее, и они энергично заплясали румбу. «Зачем я попросила румбу? – страдальчески подумала Юлька, выделявая коленца. – Черт, надо было вальс. А танцует он неплохо».

Румба наконец кончилась, и она застыла посреди комнаты, с трудом переводя дух. Ее романтический герой тоже дышал шумно, как загнанный конь.

– Не присесть ли нам? – устало спросила она.

– Присядем! – охотно согласился Женя. «Светский разговор, – недовольно подумала Юлька. – А может, он действи-

тельно дурак? Э, нет! Так не пойдет. Ты хочешь, чтобы он был остроумен, как Макс, умен, как Эйнштейн, прыгал по крышам, как Жерар Филип, и был красив... Ну, тут я сдаюсь, красив – этого у него не отнимешь. Недурен, честное благородное слово. Только я-то чем ему приглянулась? Вон у Машуни – бюст на полкомнаты. А у Лидки глаза обалденные...»

– Юля...

– Да?

– Скажи... Это не я виноват в том, что ты упала?

– Хм... может, не будем об этом вспоминать? – Юлька нахмурилась. – Упала и упала.

– Но я...

– Да брось ты, забудь, ты не виноват... Не знаю, что это со мной приключилось... Какое-то удушье... Знаешь, даже ужас.

– Ужас?

– Да... Думаю, я испугалась, что задохнусь... А может, ужас сам по себе... В общем, страшно и неприятно... – Юлька вздохнула. – Ну и хватит. Лучше продолжим разговор с той точки, на которой он был прерван.

– Ты храбрая, – сказал он, глядя ей в глаза. «Действительно, очень красивые глаза, – определила она. – И нос, конечно, тоже... Плечи что надо... И ум не совсем отсутствует...»

– Почему это я храбрая? – удивилась Юлька, когда до нее дошел смысл сказанных им слов.

– Потому что ты опять можешь упасть, – простодушно сказал Женя.

– Я сию, прошу заметить, – отрезала Юлька. – Так давай же. Неужели не о чем поговорить, кроме моего обморока?

– Как раз перед этим... – он замялся.

– Назовем это час «икс», – кивнула Юлька.

– Хорошо, как раз перед «иксом» я сказал, что ты мне нравишься, как никогда не нравилась ни одна девушка на свете.

– Умру! – шепотом сказала Юлька. – Ты такого не говорил.

Он вздохнул.

– Верно, – признался Женя. – Не говорил. Но я надеялся все списать... На час «икс». Что ты забыла мои слова. А то бы я не решился так сразу тебе это сказать.

– Жень, – она потрясенно смотрела на него, – а ты знаешь хотя бы, что такого вообще не бывает?

– Чего? – грустно спросил он.

– Ну вот такого объяснения... Это в тысяча девятьсот девяносто пятом году от Рождества Христова! Если бы в девятнадцатом веке, я бы еще поняла...

– Юль, ты прости мне мою глупость. Но ведь я вижу тебя в первый раз и, может, больше не увижу. Вот я и испугался, что у меня не будет случая сказать тебе все это. Но все правда, хотя из-за нее я кажусь тебе или круглым дураком, или таким... знаешь... банальным приставалой.

«Слава богу, не дурак, – с облегчением подумала Юлька. – Но может, тогда приставала? Тонкий прием – сразу подкинул мне такую идейку. Глядите, мол, какой я честный... А я вот не верю, и все тут».

– А почему это ты решил, что больше меня не увидишь? – томно проворковала она, эффектно (она это знала) выгибая подкрашенную бровь. Он откликнулся немедленно:

– А где гарантия, что ты захочешь со мной встречаться?

– И тебе будет легче помереть от неразделенной любви, если я буду все же о ней знать? – сощурилась Юлька.

– Легче, представь себе.

– И ты бы не стал бороться за свою любовь? – Она сделала весьма слащавое лицо. «Веду себя по-идиотски, – подумала Юля. – Что делать, я не тургеневская девушка... А жаль. Та на моем месте побледнела бы как полотно и убежала в сад. А на мне одних румян сколько, да и сада тут никакого нет...» – Учти, если ты безвольный, пассивный, склонный к пессимизму, ты можешь считать, что твоя неразделенная любовь уже у тебя в кармане. Или в груди?

– Я ни то, ни другое, ни третье, – откликнулся Женя. – А насчет борьбы... Бывают такие случаи, когда бороться бесполезно, хоть ты тресни.

– Ты уже треснул? – поинтересовалась Юлька. – Ты с таким знанием дела говоришь об этом.

– Пока не треснул. – Женя вздохнул, и она отметила этот вздох, как вполне естественный. «Как он еще меня терпит? –

поразила она. – Глупая, самодовольная, да еще и издеваюсь над ним почему зря».

– Слушай! – решительно сказала она. – Ты уж слишком в трагическом тоне начал этот разговор. Прямо похоронный марш. Вот я и предупреждаю тебя – развеселись хоть немножко. И тогда ты не треснешь, даю тебе слово!

«Не слишком ли открыто? – Юлька немного испугалась своей смелости. – Решит, пожалуй, что я по уши в него втюрилась. Интересно, в него многие влюбляются? И с кем он, кстати, пришел?»

Женя тем временем уже второй раз приглашал ее на медленный танец. Полуобнявшись, но все же сохраняя приличное расстояние, они кружились под «Демонического любовника» «Шокинг блю», и сердце у Юльки сладко таяло. «Мой Бог, как же мне повезло! Собой пригож, вежлив, только вот слишком уж активно рвется в бой... Немного подозрительно!»

Мимо нее в полумраке проплыл Макс, нежно обнявший высокую синеглазую Лиду. Увидев Юльку, он напустил на себя донельзя самодовольный вид и отвернулся. «Дохлый номер, Максик, – подумала Юлька. – Лидка не про тебя. Она мне в начале вечера сказала, что по ней со страшной силой сохнет один дипработник. И неудивительно. Такая красота! А вот Женя, хотя и не слепой, выбрал почему-то меня... Все это странно и удивительно...»

– Юля!

Увлечшись своими мыслями, она не сразу расслышала, что Женя ей что-то говорит.

– Что? – запоздало откликнулась она. – Прости, забылась!

– Юля, я спросил, можно ли проводить тебя домой?

– Как, прямо сейчас? – растерялась Юлька.

– Нет, потом, когда ты сама захочешь...

– М-м-м...

– Наверное, это наглость с моей стороны, – вздохнул Женя. – Я ведь не слепой, видел, что ты пришла не одна. Может, мне и не надо навязываться. Но пойми, если я сегодня не буду настойчив, я вообще могу тебя потерять.

Юлька лихорадочно соображала. «Значит, Макс не со врал, и он действительно приревновал меня. Может, он из-за этого так форсирует события? Скорее всего, потому что только из-за моей красоты... сомнительно». Она тяжело вздохнула.

– Юля...

– А?! – нервно откликнулась она.

– Я тебе все время мешаю о чем-то думать, – огорчился Женя.

– Я думала как раз о тебе, – призналась Юлька. – О мужской психологии, если точнее.

– С ума сойти! И что же?

– Ничего. Ничего не понимаю ни в тебе, ни в мужской психологии. За этим надо обратиться к Максy.

– Это...

Юлька дернула подбородком в сторону танцующего Макса:

– Да, это тот самый подозрительный юноша в мятой рубашке. Не знаю, как он умудрился ее измять, потому что я лично видела, как он надевал выглаженную. С иголочки. Но такое уж у него свойство...

«Дура, что болтаешь! – осадил ее себя. – Ты видела, как Макс надевал рубашку?! Видела, конечно, когда зашла за ним... Но как объяснить постороннему человеку, что я при этом не испытывала никаких чувств? Блин, я все порчу».

– Макс – мой хороший, очень хороший друг, – попыталась она внести ясность.

– Понятно, – кратко заметил Женя.

– Мы с ним дружим уже одиннадцать лет.

– Ясно... – еще короче откликнулся он. «Ну что мне теперь делать? – в отчаянии подумала Юлька. – Впасть в идиотизм и уверять его, что у меня с Максом ничего не было? И с этого начнется моя романтическая история? Нет, это уже суперглупо! Ну и пусть! – Она внезапно разозлилась на себя. – Пусть думает что хочет! Пусть думает, что мы с Максом любовники... Если он действительно влюблен, он убьет Макса... Нет, стоп, как же так? А кто будет свидетелем на моей свадьбе?

Свидетель в могиле, жених в тюрьме! Макса убивать не надо!»

– Юлия...

– Макса убивать не надо, – автоматически повторила она.

– Что?! – Даже в полумраке было видно, как расширились и побелели его глаза. – Что ты говоришь?!

– Ой, прости, несу всякую чушь, – забормотала Юлька. – Понимаешь, я уже навоображала жуткую историю... Любовь там, ревность... Туда-сюда...

– С ума сойти, – вежливо заметил Женя. – И я там играю какую-то роль?

– О, главную!

– Ну, спасибо!

– Ты как будто не очень рад? – удивилась Юлька.

– Как тебе сказать... У меня создается впечатление, что ты просто пытаешься оттянуть миг, когда тебе придется отвергнуть мое предложение.

У нее перехватило дух.

– Господи, руки и сердца?

Теперь дух перехватило у него. Они застыли между танцующими парами, как соляные столбы. Юлька не выдержала и прыснула.

– Ну ладно, не обижайся, – примирительно сказала она, снова положив Жене руки на плечи. – Давай-ка танцевать. На этой кассете у «Шокинг блю» сплошные медляки до самого конца... Тебе нравится?

– Юля...

– Ну? – Она задорно смотрела на него.

– Я всего лишь напоминал тебе о своем предложении про-

водить тебя домой.

– Ну, слава богу, – вздохнула Юлька. – А то я уж испугалась...

– Юля...

– Послушай, ты смотришь так многозначительно, что мне просто становится страшно. Что у тебя на душе, выкладывай. Я неплохой исповедник, хотя Макс еще лучше.

– Макс, Макс... – раздраженно протянул Женя. – Прости, но неужели нельзя не упоминать его через каждые два слова?

«Ну вот вам и первая сцена! – удовлетворенно подумала Юлька. – Как молниеносно все развивается. Любовь, ревность, разборки, убийства. Хотя нет, убийств еще не было... Но будут, если он так решительно настроен... Честное слово, я как во сне. Надо будет поговорить с Максом о мужской психологии. Зря он, что ли, перечитал всего Фрейда?!»

– Хорошо, я постараюсь Макса больше не упоминать, – кротко согласилась она. – Но предупреждаю, это будет трудновато.

– О господи! Неужели мне так не повезло?! – со страданием в голосе произнес Женя.

– С чем тебе не повезло? – полюбопытствовала Юлька. – Ты хочешь меня проводить? Я согласна.

– Юля...

– Ладно, главное сказано. О чем ты еще хотел спросить?

– Юль, прости меня, но я такой дурак, – виновато протянул Женя. – Веду себя, как дурак, верно?

«Ты себя ведешь, как влюбленный, – подумала Юлька. – Опыта у меня, правда, на этот счет совсем нет... Позор, это в двадцать два года! А еще болтают про наше поколение. И я еще считаюсь безнравственной особой... Главным образом из-за моего языка... А фактически я самая настоящая старая дева... И вот оно – привалило!!!»

– Брось, ты прекрасно себя ведешь, – попробовала она переубедить Женю. – Только скажи честно, ты все-таки немножко меланхолик?

– Трудно сказать...

– Почему?

– Ну... Хотя бы потому, что я слабо представляю себе, что это такое.

– Макс объяснил бы тебе в два счета, он у нас почти что настоящий психолог...

– Прости, но нельзя ли...

– Ох, это ты меня прости, опять я о Максе. Все и правда становится ужасно глупым. Бросим все эти идиотские убийства и муки ревности.

– Юль, но откуда взялись убийства? – с мольбой в голосе спросил Женя. – Что за фантазии?

– Да такое уж у меня воображение, – вздохнула Юлька. – Ну, вот и музыка кончилась. Давай посидим...

Они вернулись в свой уголок.

– Кофе дамам и мсье! – чопорно произнес Макс, возникая рядом с их креслами. – Варшавский, гляссе, капучино?...

Он вопросительно изогнул брови, и так сильно изогнутые от природы. Это придавало лицу Макса несколько надменное выражение, которое могло отпугнуть только тех, кто его совсем не знал.

– Макс, что ты гонишь про варшавский кофе? – поразила Юлька. – Кто его сделал? Уж не ты ли? Знаешь что, давай сюда какой хочешь кофе, а не хочешь – никакого не давай! Не морочь голову свежему человеку.

– Слушаю-с. – Макс артистически выгнул спину и танцующей легкой походкой удалился из комнаты.

Женя проводил его мрачным взглядом:

– Юль, а он, часом... не того?

– Что ты имеешь в виду? – удивилась Юлька. – Нет, он не сумасшедший. Он совершенно здравомыслящий человек. Хотя иногда я сама в это верю с трудом. Знаешь, он может показаться даже пустозвоном... Он очень много болтает, правда? Но он совсем не пустышка, нет.

– Слушай, Юля...

Она даже испугалась, услышав его голос. В нем звучала настоящая злость. «Ого, как серьезно! – затаилась она. – Черт, может, не ходить с ним сегодня вечером? Или прихватить с собой Макса? Зарежет где-нибудь в кустах...»

– Слушай, Юля, – продолжал он, грозно глядя на нее. – Я ведь терплю-терплю...

– Я еду-еду, не свишу, а как наеду – не спущу... – пробормотала Юлька. – Это откуда? Не помню.

– Юля, ты все шутишь!

– А ты все не шутишь, – отпарировала она. – Знаешь, необязательно нужно быть меланхоликом, чтобы треснуть... Помнишь, о чем мы говорили? Достаточно не иметь чувства юмора – и тогда тебе обеспечен полный провал...

– Прости, мне не до смеха. – Он внезапно сник, и она мигом забыла о своем раздражении. – Понимаешь, я чувствую себя полным идиотом... Как будто пытаюсь втиснуться между вами, а вы меня подталкиваете с одного бока, с другого... Выпихиваете, одним словом.

– Жень, ну что ты такое говоришь! – Юлька всплеснула руками. – С чего ты это взял? Ну, мы правда подшучиваем друг над другом почему зря... Но мы так привыкли. При чем тут...

Он отвернулся.

«Господи, привалило же мне счастье, – задумалась Юлька. – В кои-то веки, и вот тебе! Может, он ненормальный? Нормальный человек себя так не ведет. Откуда такая ревность? А если ревность, то, наверное, и любовь? Хотя второе вроде и необязательно. Есть же типы, которые ревнуют, даже когда сами не любят... Просто самолюбие у них такое. Вот это – не дай бог. Надо срочно посоветоваться с Максом. Во-первых, не вызвать ли Жене «неотложку». Во-вторых, не опрометчиво ли я поступила, согласившись, чтобы он меня проводил».

– Я пойду принесу кофе, – мирно сказала она Жене, под-

нимаясь с кресла. – Ты не скучай. И не дуйся.

– Ладно.

Она заметила на его губах улыбку, и ей тут же расхотелось идти на кухню. Но переигрывать было уже поздно.

На кухне священнодействовал Макс. Он варил кофе на всю компанию в большой эмалированной кастрюле. Юлька плюхнулась на табуретку.

– Ну, Джульетта, как наш Ромео? – не оборачиваясь, спросил ее Макс. – А жаль правда, что его зовут не Рома. Тогда вообще была бы классика: вы встречаетесь на празднике, молниеносно влюбляетесь, потом окажется, что ваши семьи враждуют друг с другом... Вспомни Шекспира, недоучка моя милая.

– От недоучки слышу, – задумчиво сказала Юлька. – Дай мне сигарету.

– Руки заняты, возьми сама.

Она поднялась, залезла в карман его рубашки, извлекла оттуда сигарету и закурила. Вздохнула.

– Знаешь, мне надо с тобой посоветоваться.

– Что-нибудь не так?

– Да вроде все так. – Юлька пожала плечами. – Он вроде влюбился...

– Так чем же ты недовольна?

– Почему так быстро?

– Недоверчивая ты особа. Влюбился и влюбился. Я же говорю – Ромео и Джульетта.

– Так не бывает.

– Слушай, ты его недостойна, – решительно заявил Макс. – Пойду сосватаю ему Машуню. А что? Девка здоровенная, дури хоть отбавляй, опять же романтична до чертиков. А?

– Не клонет он на Машуню! – злорадно сказала Юлька. – Он в меня влюбился. До чертиков.

– Ой, не верю, – сощурился Макс. – Ладно. Что же тебя волнует помимо этого?

– Он хочет проводить меня домой.

– А меня? – обиженно сказал Макс. – Ты ему сказала, что мы в одном доме живем?

– Еще чего! Макс, только не в обиду, скажи – как мы пойдем на романтическую прогулку втроем?

– Я не навязываюсь, – вздохнул Макс. – Иди. Только учти, если он тебя придушит...

– А ты думаешь, есть такая опасность?

– Дуреха, он же не Джек Потрошитель. Иди, конечно.

– Да, но только...

– Слушай, Юлька, чем ты недовольна? – Макс изумленно поднял бровь. – Ведь все просто идеально.

– Да, но несколько глуповато.

– Жизнь вообще глуповатая штука, – отрезал Макс. – Так. Все. Вот твои чашки. Кофе, кстати, уже готов. Иди! – Макс почти вытолкал ее. – Не осложняй международных отношений.

Она вернулась в комнату с двумя чашками кофе – по чашке в каждой руке. «Мог бы помочь принести... – ворчала она про себя. – Сидит себе там... В кресле... Ишь, красавец писанный... Вот донесу сейчас кофе и нарочно оболую его».

Но она не только не облила его, а обласкала лучезарным взглядом – почти против своей воли. Женя встал ей навстречу и взял у нее из рук чашки.

– Немножко задержалась... – сказала она. – И кофе, кажется, скверный.

– Это ничего, – улыбнулся он.

«Слава Тебе, Господи! – подумала она. – Сразу два вопроса отпадают: где была и что за гадость принесла».

– Скажи, а тебе еще не пора домой? – поинтересовался Женя.

– А который час?

– Да уже... Секунду... Без малого половина одиннадцатого.

– Да, дело идет к концу. – Юлька вздохнула. – Знаешь, Жень, тебе не повезло, что ты попал на собирушку именно в этом году. У нас обычно так весело. Приходят все наши, весь наш класс... Ну, не все поголовно. Есть такие деловые, что от работы оторваться не могут, есть беременные на последнем месяце, есть просто такие, что забыли... Но вообще нас никогда не бывало меньше двадцати человек. Ух, и жару мы задавали! А теперь... Всего семеро. А остальные – гости.

– И я среди этих лишних гостей, – в тон ей продолжил

Женя.

– Опять! – Юлька резко поднялась. – Слушай, пойдем-ка. А то тебе здесь, как я вижу, не по себе. Не бойся, пойдем вдвоем. Тот, чье имя упоминать не рекомендуется, с нами не пойдет. Ол-райт?

– Идет! – Женя поднялся с радостной готовностью.

– Ну, прощайся!

– С кем? – удивился Женя.

– С кем ты там пришел?

– А... – Он отошел от нее и затесался в кучку гостей, до-едавших у стола остатки торта и пирога.

Юлька пошла на кухню. Макс по-прежнему был там.

– Я сижу, болею... Сам себя жалею... – проканючил он, увидев ее. – Ваше величество, вы нас покидаете?

– Да. Ухожу во тьму. С незнакомцем. Если это действительно Ромео, как ты говоришь, мне убийство не грозит.

– Разве что легкое изнасилование, – галантно заметил Макс. – Весьма романтическое. Под луной.

– Шут гороховый, – вздохнула Юлька. – Ты, надеюсь, не обиделся?

– Я? Боже меня упаси. А вот моя мама – та действительно будет в печали. Ты ведь знаешь, она прочит тебя мне в жены. Ты ей безумно нравишься. Что еще раз доказывает полное отсутствие вкуса у членов нашего семейства.

– А что... – задумчиво сказала Юлька. – Мы были бы хорошими мужем и женой.

– Тс-с! – Макс сделал страшные глаза и криво улыбнулся. Юлька оглянулась. За спиной у нее стоял Женя. Он, видимо, прекрасно расслышал последние ее слова. Она рассмеялась:

– Ну, все! Всем привет! Приятно провели время! Жень, пойдём!

Она подхватила его под руку, и они вышли из квартиры. Во дворе Женя повел ее к стоящей неподалеку от подъезда машине.

– О! Это что, твоя? – удивилась Юлька.

– Моя.

Он отпер дверцу белого «Москвича», и Юлька, подобрав широкий подол алого платья, прямо-таки прыгнула в машину.

– Здорово! Так ты крутой!

– Нет, я не крутой, – возразил Женя, садясь за руль.

– Нет? Тогда откуда же, позволь узнать, вся эта роскошь? –

Она похлопала ладонью по велюровой обивке кресла. – Машина-то твоя?

– Ну да.

– Сам купил?

– Нет, отец. Так что хвастаться мне нечем.

– Ну хотя бы отцом можно похвастаться, – вздохнула Юлька. – Есть и такой вид спорта. А кто у нас отец?

– Адвокат, – коротко ответил Женя, выруливая из переулка на Пречистенку.

– Тогда понятно. У вас, должно быть, таких машин целая

отара... – протянула Юлька. – И личный чабан.

– Ты что? – засмеялся Женя. – Какая отара? У него – своя, и у меня тоже. А у матери нет. И чабана тоже нет.

– Хуже всего без чабана, – философски заметила Юлька. – Между прочим, куда мы едем?

Женя несколько всполошился:

– Куда?

– Нет, все в порядке, ты едешь правильно, мне на Яузский бульвар, значит, по бульварам в ту сторону... Так и езжай. Просто странно стало, как это ты меня повез, не спрашивая дороги. Помню, один раз после такой же вот вечеринки усадили меня в такси, деньги таксисту сунули – поехала я. Едем-едем, а потом начинаю я замечать – не туда куда-то едем. И таксист вроде какой-то странный. Во-первых, на красный свет проскакивает, во-вторых – от него перегаром несет. «Куда едем, дядя?» – спрашиваю. А он: «А куда надо?» Представляешь, он даже не расслышал, куда меня заказали отвезти, просто взял деньги и повез себе.

Юлька расхохоталась, вспомнив свой тогдашний испуг.

– В общем, чуть жива добралась до дома...

– Обошлось? – Женя бросил в ее сторону сочувственно-смеющийся взгляд.

– Конечно... Со мной никогда ничего не случается, – с некоторой грустью в голосе сказала Юлька. – Удивляюсь почему?

– Никогда и ничего?

– Ну, иногда что-то... Но ничего серьезного.

– Значит, все еще впереди.

– Может быть...

Он смотрел вперед, на дорогу. Юлька опустила стекло со своей стороны, наслаждаясь бившим ей в лицо теплым ветром. Покосилась на Женю. «Какой профиль, мамочки мои! Какой профиль! Интересно, понравится ли он маме?»

– Ты по-прежнему знаешь, куда ехать? – лукаво спросила она.

– Ты же сказала – Яузский бульвар.

– Слушай, но даже таксисты разговаривают с клиентом. По крайней мере, о дороге. А ты все молчишь. Что-то не так?

– Прости, задумался!

– О, за это не проси прощения, – запротестовала Юлька. – Ты мне только скажи – я тебе правда так безумно понравилась?

– Да.

– А почему? У нас еще есть время, давай расскажи.

– Ну... Трудно сказать...

– Ах, вот как?!

– Господи, чего ты от меня требуешь? Вот так, сразу, возьми да расскажи. Ну, ты красивая...

«Спорное мнение», – подумала Юлька, но эту тему решила не развивать.

– А еще?

– Веселая, – мученически сказал Женя.

– Это так, а еще?

– Обаятельная...

– Ну все, кончаю расспросы, а то, боюсь, разонравлюсь. – Юлька рассмеялась.

– Знаешь, я ведь тоже мог бы тебя спросить, – заметил Женя. – Я-то тебе тоже, наверное, понравился?

– Ну да! Я не скрываю. Мне понравился твой нос, – решительно заявила она. – Это честно.

Женя открыл рот, но сказать ничего не успел.

– Но в общем-то дело даже не в носе.

– Загадочная девушка, – покачал головой Женя.

– Да вовсе не загадочная, – вздохнула Юлька. – Но очень хотела бы ею быть. Я просто говорю, что возникает какое-то общее впечатление, которое потом никакой нос не испортит.

Ей показалось, что он улыбнулся. «Ну вот теперь ни за что не буду форсировать события! – упрямо подумала она. – А то возомнит о себе... Если уже не возомнил».

– Ну, хватит... – лениво закончила она. – О, подъезжаем. Вот этот серый дом... Да, вот там въезд, осторожно. Все.

Он выключил мотор, и они одновременно посмотрели друг на друга.

– Что ж, я пошла... – Юлька вдруг почувствовала странное замешательство, как будто ей предстояло поцеловаться первый раз в жизни. «Дура, чего я боюсь, – упрекнула она себя. – Ведь он, пожалуй, подумает, что я такая из себя маменькина дочка... А, пусть его думает. Что-то мне жуткова-

то. Может, это и есть что-то серьезное?»

– Юля, – почти торжественно сказал Женя. – Юля, ты очень рассердишься, если я тебя поцелую?

– Не знаю... – выдавила она из себя первое, что пришло на язык.

И произошло нечто странное – он с какой-то отчаянной решимостью на лице наклонился и буквально припечатал короткий поцелуй где-то между ртом и носом. Юлька в ужасе отшатнулась.

– Прости, – с отчаянием сказал он.

– Ни за что, – пробормотала Юлька, задом выбираясь из машины. – Спасибо... Ну, ты даешь!

– Юля! – Он схватил ее за руку и удержал довольно грубо. – Юля, я весь вечер веду себя как полный дурак. Но я был просто не готов к встрече с тобой. И постоянно попадал впросак. Пожалуйста, не согласишься ли ты завтра...

– Слушаю... – Юлька уже немного пришла в себя. Больше всего ее сейчас беспокоил вопрос о наверняка размазавшейся по всему лицу помаде. «Мама будет в ужасе. Такое, наверное, впечатление, что меня слон поцеловал!»

– Юля! Можно пригласить тебя завтра пойти со мной в кафе?

– Почему бы и нет? – философски спросила Юля. – А куда?

– Куда захочешь.

– Пойду изучу в телефонном справочнике все кафе. Са-

мые дорогие.

– Валяй! – обрадовался он. – Не хватит денег расплатиться – загоню машину.

– Ты действительно герой моей мечты, – кивнула ему Юлька. – А теперь до свидания, мусью!

– А... – Женя все еще не отпускал ее руку.

– Нет, миленький. – Юлька ловко вывернулась. – С поцелуями ты тоже, пожалуйста, потренируйся до завтра. Герои целуются как-то по-другому. Пока! – И она отбежала от машины. «Отсюда, наверное, я выгляжу куда романтичней, чем вблизи, – подумала она. – Эдакая тоненькая фигурка в красном платье. А помаду в темноте не видно!»

Женя помедлил, махнул ей рукой, захлопнул дверцу машины и уехал. Юлька задумчиво постояла у подъезда. «Домой? – подумала она. – А помада? Мама устроит разгон. Помада-то ее. Стереть? Так зеркала же нет... Только размажу... Не обманывай себя, – резко обратилась она сама к себе. – Тебе просто до смерти хочется забежать к Максу и рассказать про свои подвиги. Привычка – вторая натура. А маме звякну от него!»

Она круто развернулась и быстро (чтобы мама не заметила ее сверху, из окна) побежала к подъезду, где жил Макс.

На звонок в дверь ей открыла мать Макса – худая, высокая брюнетка, всегда вызывающая у Юльки какие-то восточные ассоциации. Возможно, эффект довершали ее расшитые драконами халаты и золотые кольца в ушах.

– Макс дома? – елебно спросила Юлька, стараясь не попасть в полосу света. «Помада!» – четко помнила она.

– Дома, Юлечка, – удивленно ответила Ольга Петровна (такие простые русские имя и отчество были у этой восточной женщины). – Вы разве не вместе вернулись?

– Да не совсем. Можно мне его увидеть?

– Конечно. Он там. – Ольга Петровна махнула рукой в сторону комнаты Макса. – Ма-аксим! К тебе пришли!

– Что ты говоришь? – Из комнаты показалась голова Макса. – Юлька? Он тебя избил?

– Что?

– Мам, смотри, он ей нос расквасил. Тащи сюда перекись.

– Не надо, ради бога! Это помада. Помада.

– О?! – Ольга Петровна со значением улыбнулась Юльке и исчезла в кухне. Макс хмуро посмотрел на подругу.

– Проходи, заблудшая. – Он кивнул на свою дверь. – И не рассказывай мне сказок, что просто прижалась мордой к двери. Знаем мы, откуда бывают такие следы.

– А я и не рассказываю. – Юлька с наслаждением скинула туфли и босиком прошла по ковру.

Макс тем временем занял исходную позицию – улегся на свою любимую тахту, покрытую клетчатым серо-голубым пледом, подпер щеку ладонью и сонно посмотрел на Юльку:

– Слушаю.

– Знаешь, Макс, он сумасшедший.

– А не похож.

– Не похож? При ближайшем знакомстве...

– Это ты называешь ближайшим знакомством? – Макс кивнул на ее губы.

– Ой, забыла.

Она порылась в сумочке и достала носовой платок. Глядя в зеркало, вытерла помаду. Вздохнула.

– Что-то не похоже, что ты вернулась с романтического свидания, – ехидно заметил Макс. – Скорее, с романтических похорон.

– Слушай... – Юлька решила пропустить мимо ушей его подкопы. – Слушай, он вроде такой милый...

– Да?

– И вежливый.

– Надеюсь, в меру?

– В меру, в меру, – проворчала Юлька. – Не сбивай. Вот только есть что-то... Знаешь, он непредсказуем, вот именно так, он непредсказуем!

– Так это же замечательно. – Макс пришел в дикий восторг. – Будет совершенно непредсказуемая пара.

– Макс, помолчи. – Юлька опустила рядом с ним на тахту. – Дело не в том, что он может сказать что-то неожиданное или выкинуть какую-нибудь штуку... Это бы я поняла. Таких натур полно. А он... Знаешь, он как будто движется как-то толчками...

– Толчками? – изумился Макс. – Что ты хочешь этим сказать?

– Ну, все у него как-то сразу. И поэтапно.

– Яснее не стало.

– Ну, смотри! Раз: он мне неожиданно говорит – мечтал, мол, с тобой танцевать. Два: ты мне нравишься больше всех. Три...

– Я тебя люблю! – выпалил Макс.

– Нет, до этого не дошло.

– А может, это я от себя лично сказал? – Макс перевернулся на спину, подложив руки под голову.

– Не болтай! Я валюсь с ног.

– Так приляг рядом! – простодушно сказал Макс.

– Еще чего. Сейчас наверняка заглянет твоя мама и предложит нам...

– Детки, чаю? – сладко пропела в приоткрытую дверь Ольга Петровна.

– Спасибо, мам, лучше водки!

– Фу, Макс! – Ольга Петровна захлопнула дверь.

– «Фу, Макс! Иди сюда, Макс! Посоветуй, Макс!» – Он тяжело вздохнул. – Только и слышу, всем от меня чего-то надо. Только вот мне ничего ни от кого не надо.

– Так уж ничего и ни от кого? – прищурилась Юлька.

– О, женщина... – Макс легонько стукнул ее в спину коленкой. – Давай выкладывай дальше. Что там на счете три?

– На счете три он меня поцеловал. Но знаешь, Макс, как-то странно...

– Извращенно?

– Нет... Если бы извращенно. Меня никогда не целовали извращенцы.

– Попробуй со мной.

– Утихни, извращенец! Он меня поцеловал, как икону, понимаешь? Вроде бы как приложился.

– Может, он тебя сильно уважает? Есть такая патология, – оживился Макс. – Но тогда ты с ним намучаешься.

– Если уважает, зачем полез целоваться? Это что, в знак уважения? Теперь так модно?

– Дурочка. Может, он вовсе не хотел тебя целовать, а просто побоялся тебя обидеть?

– Ну, знаешь!

– А что! – Макс сел и уставился на нее во все глаза. – Может, у тебя на лице было написано: «Поцелуй меня, милый!» А он, как джентльмен...

– Придурок! Ничего у меня не было написано, – возмутилась Юлька. «А так ли уж не было?» – тут же засомневалась она.

– Ну, тогда... тогда он мог поцеловать тебя просто из застенчивости. Такое тоже бывает. Я первый раз тоже поцеловался из застенчивости. Понимаешь, мне было двенадцать лет, а ей – пятнадцать. Пропать! Ну, я с горя и от застенчивости и поцеловал ее...

– Ну и врешь же ты!

– Ладно, пусть я вру. Но я ведь стараюсь тебе помочь, жертва платонической любви.

– Макс, не трави душу. Лучше скажи – все в порядке?

– Я думаю – все о’кей! – Макс ободряюще ей кивнул. – А сейчас иди-ка домой, голубка. Тебе ведь еще предстоит встреча с мамой.

– Тебе тоже.

– Нет, мне уже выдали по первое число. Я сказал ей, что Гарик недавно получил диплом и теперь натуральный юрист. Она сказала, что это только я ошиваюсь по всяким шарашкиным конторам, в то время как мои друзья делают себе карьеру.

– Ну, я себе карьеры точно не делаю. – Юлька вздохнула. – Маман и мне вкатит за это по первое число. Почему-то этот чертов вечер встречи на родителей действует всегда одинаково. Они впадают в истерику, почему их собственные чада оказались не такими уж удачливыми.

– Юлишна, ты уже начала делать себе карьеру, – возразил Макс. – Скажешь, твой принц – это не находка?

– Вот уж не знаю...

– Утро вечера мудренее, – вздохнул Макс. – Он назначил тебе свидание?

– Ну да. Мы пойдем с ним в кафе.

– Класс. Ну вот, присмотришь к нему повнимательней, а потом дашь мне подробный отчет. Если что – я вас благословлю портретом Фрейда. Пока!

И Макс сделал вид, что внезапно уснул.

Глава 2

На следующий день Юлька проснулась поздно. Полежала, позевала, посмотрела в потолок. Прислушалась. Мать, судя по звукам, готовила на кухне обед. «Вчера обошлось без нотаций, – подумала Юлька. – Может, и сегодня пронесет? Ну как ей объяснишь, что высшее образование ума мне не прибавит? Ни ума, ни счастья... И есть, в конце концов, что-то надо... Другая бы еще радовалась, что дочь хоть какие-то деньги в дом приносит. Ну, не миллионы... Далеко не миллионы...»

И она с тоской подумала о том, что сегодня уже воскресенье, а в понедельник с утра ей опять тащиться в свою редакцию и сидеть там за компьютером, набирать, как безмозглая машина, чужие мысли и слова. «Одно счастье, – усмехнулась про себя Юлька. – Ежедневные пьянки, военные, что с них взять. Да и работа та еще... Когда гонят строку, когда неделю сидишь, кофе пьешь... А удостоверение чего стоит! Сотрудник органа печати ФПС Главкомата РФ! Еженедельник «Государственная граница». Сила! Вот только платят мало, что да, то да... Ну и черт с ними».

– Юля! – Мать заглянула в комнату. – Есть будешь?

– Не-а, неохота.

– Как неохота, уже первый час! – Мать, как всегда, в штыки восприняла отсутствие у Юльки аппетита. – Наверное,

вчера выпила лишнее, да? Вот и не хочешь.

– Хо-хо, мамочка. – Юлька накинула халат и обняла ее. – Да вчера я была трезва! Трезвее трезвого. Клянусь!

– Но повеселились-то хорошо?

– Так, средне. – Юлька сделала скучающее лицо. – Ты ведь знаешь, наших было всего ничего. Половина чужих. Да и тех кот наплакал. Так что все было весьма так себе.

– И Макс не помог? – усмехнулась мать.

– Макс помогал, как только мог. – Юлька вздохнула. «Расскажи я сейчас про свой обморок – конец! Тут же началась бы истерика. Нет, чрезмерная забота – это тоже бывает плохо». – Мам, кофейку бы!

– Идем.

Они уселись на кухне. Юлька с наслаждением пила слабый растворимый кофе со сливками из своей любимой огромной кружки в красный горох. Маленькие кофейные чашечки она с презрением отвергала. Мать, сидевшая напротив, пододвинула к ней вазочку с печеньем.

– Съешь.

– Ладно, – согласилась Юлька.

Она задумалась о событиях вчерашнего вечера, и вопрос матери застал ее врасплох. Самым естественным тоном мать спросила:

– Юля, а кто это подвез тебя вчера?

Юлька на миг застыла, пытаясь выгадать несколько секунд.

– Знакомый.

– Это очень общее понятие. Кто-то из твоих одноклассников обзавелся машиной или это был один из тех самых посторонних?

– Да, – обреченно призналась Юлька. Она прекрасно знала, как болезненно относится мать ко всем ее знакомствам, хотя, как она сама считала, повода для опасений не было никаких. «Ну не гулящая же я! – в отчаянии подумала Юлька. – И не дура малолетняя! Что же она так переживает всякий раз». – Мам, это очень приличный и воспитанный парень. Уверяю тебя! – «Дура я! – ругала она себя. – Все ее тревоги из-за того, что ты ни словом не обмолвилась о нем вчера. Тогда бы мать не думала, что ты что-то скрываешь! Ну что делать, если все свои грехи я несу Максу, а не ей. Для ее же блага. Ну разве могла бы я обсудить с ней то, как он вчера меня поцеловал?»

– Что же это за парень? – Мать, похоже, не собиралась успокаиваться. – Кто он?

– Сын адвоката.

– Господи, при чем тут адвокат?! Там что, был адвокат? Это что, знакомый Гарика?

– Наверное... – Юлька поджала губы. «Вот и опять я в дурах, – прокомментировала она. – Я ведь так и не знаю, чей он знакомый. Да какое мне дело?»

– Ты даже не знаешь? – Мать изумленно смотрела на нее. – Но кто-то же его пригласил?

– Мам, он не бандит с большой дороги, даю тебе слово.

– Как ты можешь давать слово за незнакомого тебе человека?

– Теперь он мой знакомый. Мы ведь не на улице познакомились, верно? – Юлька тяжело вздохнула. – Его зовут Женья, он очень приятный собеседник, воспитанный человек, хорошо водит машину и не лезет к девушкам с похабными объятиями. Вот все, что я могу тебе сказать.

– Чем он занимается?

– Не знаю, ма. – Юлька почувствовала, что настроение ее быстро портится. – Занимается чем-то, наверное. Может, учится где-то. Если хочешь, могу узнать. А также группу крови, полный состав семьи и была ли у его собаки чумка.

– А, так вы договорились встретиться еще раз?

– Да. Казни меня! – Юлька потешно раскинула руки, но при этом никакого веселья не ощутила. «Сколько можно оправдываться в том, что тебе двадцать два года, – раздраженно подумала она. – А ведь вся причина в этом, только в этом... Ну пусть тебе, мам, когда-то не повезло... Но зачем меня-то так мучить?!» Но вслух она ничего этого не сказала.

Мать вздохнула.

– Что ж, будем надеяться, что он порядочный парень, – сказала она без особой надежды в голосе. – Пригласи его к нам на чашку кофе. Я хотела бы посмотреть на него.

– Устроишь ему экзамен? Тогда прощай, Женья! – Юлька помахала в окно рукой. – Знаешь ведь, как молодые люди

это обожают... Ну ладно, мам, я пойду хоть умоюсь.

Она еще раз чмокнула мать в щеку и заперлась в ванной. «Вечная история, – грустно сказала она зеркалу, – все та же самая вечная история. Берегись, берегись, берегись. Зачем, зачем, зачем?» Юлька умылась, поморгала слипшимися ресницами в зеркало и вдруг замерла, пораженная внезапной мыслью. «Он сказал – сегодня, в кафе... А телефон-то! Мой телефон. Как же он позвонит мне? Господи, какая я дура, что вчера удрала от него сломя голову. Ведь он не взял мой телефон и теперь, конечно, кусает себе локти. А может, нарочно не взял? Скажет – забыл взять, а потом с него взятки гладки. Может, даже и не собирался брать... Так, почесал язык про свои нежные чувства, поиграл в любовь с первого взгляда... Но он, по крайней мере, знает, где я живу. Дом-то он знает, а квартиру нет... Господи, ну вот тебе и роман. Какая глупость. Как мне не везет».

Юлька понуро вышла из ванной и поплелась к себе в комнату. «Единственный выход – это если он приедет во двор и начнет гудеть. Не пойдет же он по квартирам. И я его телефона не знаю... И узнать не у кого. Хотя почему не у кого?» Ей в голову пришла спасительная идея. «С кем-то же он вчера пришел? – спросила она себя. – Когда пришли мы с Максом, он уже был там. Но контингент ограничен. Хорошо, что наших было не двадцать человек, тогда бы я рехнулась. А обзвонить пятерых... Машуня,

Сергей, Гарик, Лидка, Наташа... Звоню! Пять звонков –

плевое дело».

Она притащила к себе в комнату телефон и завалилась с ним на постель. Подумав, набрала сперва номер Гарика.

– Алло, Гарька! – Юлька поудобнее устроилась с трубкой в руках. – Это Юля. Как ты после вчерашнего?

– Нормально.

– А чего такой хмурый?

– Так... А что случилось? Почему ты вдруг обо мне вспомнила? – Голос Гарика несколько отмяк. – Насколько помню, это, дай бог, твой второй звонок мне вообще за все время нашего знакомства.

– Повода не было. – Юлька про себя выругалась. «Словечка в простоте не скажет. Юрист тоже мне». – Гарь, скажи на милость, то чудо природы, которое вчера провожало меня домой, – это твой друг?

Гарик на секунду смолк. Было ясно, что вопрос этот привел его в замешательство.

– Кто? Какое чудо? Макс, что ли? – прорезался наконец он. – Не понимаю тебя... Уж если он чей-то друг, то, скорее, твой.

– А при чем тут Макс? – удивилась Юлька.

– Так разве ты не с Максом ушла?

– Нет. Стала бы я спрашивать тебя, чей друг Макс. – Юлька пришла в бешенство от его недогадливости. – Помнишь парня, ну с которым я танцевала...

– Господи, какое мне дело до этого парня! – возмутился

Гарик. – Он что, натворил вчера что-то?

– Ничего. Я думала, он с тобой пришел, потому что у него папа – адвокат.

– Какого черта! – Гарик был взбешен. – У него папа адвокат?! Что – это я его папа?!

– Спокойно, ты не его папа! – остановила его излияния Юлька. – Годы учения не пошли тебе на пользу. Возьми путевку в нервный санаторий...

– В какой?

– В нервный. Знаешь, в школе ты мне нравился куда больше. Все. Отбой.

Юлька бросила трубку. «Боже, что с ним? – подумала она. – Почему он так бесится? На мои нормальные вопросы вполне можно было дать нормальные ответы. Что ему в голову втемяшилось? Он, правда, и в школе особым юмором не отличался... Как он до конца института дошел – известно только Богу да его несчастным родителям...»

Следующие звонки принесли не больше пользы. Ни Машуня, ни Лида, ни Сергей ничего не знали о Жене. Оставалась только Наташа.

«Вперед! – подумала Юлька. – Если и она ничего не знает – повешусь».

Она набрала номер Наташи и прослушала долгие гудки. К телефону никто не подошел. Она набрала номер еще раз, опять подождала и положила трубку. «Надежда есть, но в то же время ее нет... – Юлька вздохнула. – Это может быть На-

таша, он, наверное, друг ее мужа... Почему бы и нет? С кем-то же он вчера прощался, когда мы уходили? Да, жалко, я не посмотрела, с кем именно. А теперь жди у моря погоды».

Телефон зазвонил, когда она в третий раз собиралась набрать номер Наташи. Она подняла трубку.

– Да?

– Можно позвать Юлю?

– Это я, – отозвалась она и вдруг не то чтобы узнала, но, скорее, догадалась, чей это голос. – Женя?!

– Да, – несколько смущенно сказал он. – Как глупо вчера вышло, верно?

– Вчера много чего вышло, что ты имеешь в виду? – Она пыталась не выдать своим голосом охватившую ее радость.

– Я обо всем, а прежде всего о том, что я забыл взять у тебя номер телефона. Растерялся, понимаешь... Главное – забыл.

– А каким чудом ты его нашел?

– Да чуда-то особенного нет... – Женя, судя по голосу, улыбался. – Видишь ли, вчера тебя кто-то назвал по фамилии – Краевская... Дом я знал, то есть номер знал и улицу, а квартиру нет, конечно. Ну, я провел небольшое расследование и узнал в справочном твой телефон. Я надеялся, что у твоей мамы та же фамилия, и не ошибся. На Яузском бульваре всего одна семья Краевских – ваша.

– Верно. Просто и гениально. – «Нет, это не просто увлечение! Это надо же – звонил человек, искал номер телефона,

да еще не зная номера квартиры! Нет, чего там! Любит! Да-с! Это вам не под окном погудеть!»

– Юля? Ты почему молчишь? Мне не надо было звонить? – забеспокоился Женя.

– Господи, опять твои вчерашние комплексы! – Юлька притворно рассердилась. – Я очень рада, что ты позвонил, слышишь? Очень. Я уже засомневалась, что мы еще увидимся.

– Нет, мы увиделись бы в любом случае... Разве что ты не захотела бы...

– Я захотела. – Юлька решительно перешла к делу. – Как насчет кафе?

– Прекрасно! Ты уже выбрала?

– Нет, не успела, – призналась Юлька. – А куда ты обычно водишь девушек?

– М-м-м...

– Зубы заболели? – заботливо спросила Юлька.

– Нет, борюсь с приступом стыдливости.

– А что? – Юлька плотнее прижала трубку к уху. – Место неприличное?

– Ох... Юль, почему ты так...

– Что?

– Слушай, Юль, давай ты мне не будешь подпускать шпильки про всяких там девушек, ладно? Мне почему-то не хочется говорить с тобой в таком тоне...

– А в каком хочется?

– Ну, наверное, проще, без всяких там намеков... Недомолвок... И как-то...

– Романтичней? – догадалась Юлька.

– Ну, возможно, так. – И он вздохнул. «Что за странный фрукт этот Женя, – поражалась про себя Юлька. – Это же не парень, а моральный кодекс, переплетенный в бронированную сталь. Нет, так не пойдет...» И она сделала выпад:

– Прости, Женя, но неужели твою стыдливость могут оскорблять невинные шуточки? Что в них плохого? Обычное дело.

– Юля... – Он тоже, похоже, собрался с духом. – Ты меня не так поняла, просто я такой человек... Сколько раз уже убеждался, что бесконечные шуточки, ерунда всякая... Это очень опасно – в конце концов люди уже не могут сказать друг другу ничего, кроме всяких хохмочек... И это... Знаешь, это как-то снижает все отношения. А я не хочу, чтобы у нас так было.

– Ты хочешь говорить исключительно о серьезных вещах? – Юлька вздохнула. – Знаешь, ты определенно понравишься моей маме.

– Я надеюсь на это.

– Ах, вот так? Но сначала ты должен понравиться мне.

– Но вчера, кажется, я...

– Не будь таким самоуверенным, – отрезала Юлька. – Вчера ты не читал мне нотаций.

– Твои слова надо понимать так, что ты отказываешься

пойти со мной в кафе? – Голос Жени прозвучал сдавленно.

Юлька упрямо сжала губы. «Чуть-чуть я тебя помучаю, дорогой мой Макаренко», – мстительно подумала она.

– А если отказываюсь?

– Тогда, Юлька, я приеду, стану у тебя под окнами и заблокирую подъезд.

– Ты не знаешь, в каком подъезде я живу.

– Я знаю теперь даже номер твоей квартиры.

– Это уже угрозы?

– Пока нет. Но, Юлька, за что ты меня так щелкаешь по носу? Я хотел только слегка разбавить твой ернический тон. У вас с твоим прекрасным Максом он, видимо, в большом ходу.

– Ревнуешь?

– Ну! А ты думаешь, мне приятно разговаривать с тобой в точно таких же выражениях? Я что, только его заменитель?

– Но... Может, у меня такой стиль речи... И вообще... Ты слишком ревнив.

– Но ты говорила с ним вчера весь вечер. А со мной – почти губ не разжимала. Должен я сделать выводы?

– Губ не разжимала? – поразилась Юлька. – Стоп! Неправда. Ты несешь чепуху. Я болтала как оглашенная. Я вообще болтушка, если хочешь знать. Мне только волю дай. А вот насчет тебя у меня складывается весьма удручающее впечатление, и я тоже должна буду сделать выводы.

– Какие же?

– Агрессивен, нелюбезен, не любит шуток, дико ревнив, много о себе думает и рассуждает, как столетний дед.

– Это все?

– Да. – Хмурая Юлька слушала установившуюся в трубке тишину. «Сейчас он бросит трубку, так тебе и надо. Нельзя же говорить подобное человеку, даже если он слегка зануден. И он, в отличие от моего первого приключения, не говорит все время о себе. И он красив. Да, красив и неглуп. И у него, дура ты полная, папа адвокат и тачка. Чем тебе не парень? Чего еще надо? Да лето уже в середине, а ты до сих пор еще за городом не побывала. Вот он тебя и свозит. А ты сразу – качать права. Вот поэтому мужики тебя и сторонятся...» И Юлька тяжело вздохнула в трубку. Женя тут же откликнулся:

– Юль, а кафе знаешь какое?

«Не рассердился?! – изумленно спросила себя Юлька. – Господи! Да пусть у него вообще не будет чувства юмора, но такая отходчивость. Это невероятно...»

– Какое? – пробурчала она в ответ.

– «У Есенина».

– Что?

– Так называется, потому что оно в том доме, где когда-то жил Есенин.

– Интересно... – протянула Юлька. – Ты специально его выбрал?

– Вообще-то я живу рядом. На Петровских линиях... Ну, и хожу в это кафе при случае... С друзьями.

– Ладно. – Юлька решила не тянуть резину. – Когда мне выходить?

– Давай ближе к вечеру, как жара спадет. Мне еще надо сделать пару дел. Я подъеду к шести часам. Идет?

– Идет, – согласилась Юлька. – Там очень шикарно? Что мне надеть?

– Только не соболей. Ограничься чем-нибудь полегче.

– Жаль, – вздохнула Юлька. – А то новое соболье манто так и висит ненадеванное... Ладно. Приду в купальнике. Чао!

Негромко напевая, она подошла к шифоньеру, распахнула его. Перебрала плечики со своими летними нарядами.

– Джентльмены предпочитают блондинок, – продолжала она мурлыкать вполголоса. – Надо надеть платье без спинки...

– Телефонный час закончен? – Мать заглянула к ней в комнату. – Мне надо позвонить Тамаре Павловне.

– Опять она со своими грошовыми переводами? – недовольно спросила Юлька. – Мам, это же копейки.

– Копейки не копейки. – Мать оглядела распахнутый шкаф, и Юлька смутилась, восприняв этот взгляд как упрек.

– Мам, зачем ты надрываешься? Разве я много требую? Я ведь сама шью...

– Почему ты сразу воспринимаешь все в штыки? – возразила мать. – Я тебя ни в чем не упрекаю. Ты ведь работаешь. Хотя я была бы рада, если бы ты училась.

– Была бы существенная разница?

– Да. У тебя было бы будущее.

– У меня оно есть. Как и у всех остальных.

– Вот-вот, – вздохнула мать. – Равняйся по остальным.

– А по кому же мне еще равняться, а? По королеве английской? – Юлька тяжело вздохнула. – Мам, кстати, сразу тебе говорю, что этот молодой человек, о котором я тебе рассказала... Этот Женя пригласил меня в кафе сегодня вечером, и я пойду.

– Так быстро?

– Ну не ждать же нам еще год, – возмутилась Юлька. – Кстати, он хотел бы познакомиться с тобой.

– Буду рада.

– Но не сегодня.

– Это его слова?

– Нет, мам, мои. Сегодня я еще лучше рассмотрю его, выясню, достоин ли он такой чести.

– Твоя ирония... – Мать заглянула в шкаф. – Платье выбираешь?

– Ага. Посоветуй, что надеть? – Юлька скрепя сердце решилась хоть этим задобрить мать. Та призадумалась.

– Я бы остановилась вот на этом... – Мать тронула висевшее на плечиках длинное расклешенное платье цвета молодой травы. – Тебе этот цвет очень идет.

– Пойми! – воскликнула Юлька, приложив платье к себе. – Я в нем буду просто бледной поганкой. Для него нужен

загар.

– Дело не в загаре... – задумчиво возразила мать. – Дело, скорее, в твоём образе...

– А именно?

– Ты, моя милая, совсем ещё молоденькая, и твой образ ещё неясен для тебя самой. Какая ты? Ты сама знаешь?

Лицо у матери разгорелось, оживилось. Худенькая, в свои сорок лет фигурой почти не отличающаяся от Юльки, она казалась почти её ровесницей – такой же хрупкой, подвижной, с такими же отливающими легкой рыжиной волосами.

– Тебе надо знать, какой ты хочешь казаться, – твердо завершила свою мысль мать. – Наплюй на то, что ты незагорелая. Представь себя сегодня вечером в этом платье.

– Ну?

– Что видишь?

– Кикимору.

– Сосредоточься. Почему кикимору?

– Потому что непонятно, зачем эта белая пиявка нацепила такую яркую тряпку.

– Белая пиявка... Все претензии, короче, к твоему цвету, а не к цвету платья?

– Ну.

– Открой глаза, – со вздохом сказала мать. – Кажется, ты меня наконец достала.

– Как? – с надеждой спросила Юлька. Она предчувствовала, что давний их спор о цвете её волос сегодня, может быть,

разрешится. – Мам, ты согласна?!

– Ладно, иди покупай свою отраву.

Юлька радостно схватила кошелек:

– Ма, я тут за угол, в галантерею... Ма, ведь краска скоро сойдет.

– С этим Женей у тебя, похоже, все очень серьезно, – заметила мать. – Что-то я никогда не видела, чтобы ты так сустилась перед свиданием.

– Мам, я из чувства контраста... Он блондин, я блондинка – невеселая выйдет картинка.

– Бог с тобой, становись рыжей. – Мать махнула рукой. – Но прошу, только не очень дикого оттенка. Постарайся найти что-нибудь нейтральное...

– Рыжее – и нейтральное?! – Юлька вернулась с порога, сбросила тапочки, сунула ноги в туфли. – Не требуй невозможного.

Рыжий цвет оказался далеко не нейтральным, а очень даже вызывающим. Когда Юлька, высушив волосы, посмотрела в зеркало, она содрогнулась: на нее оттуда глянула девица с морковно-рыжими волосами и каким-то обалделым от страха бледным лицом. Юлька поморщилась. «Финиш, – сказала она себе. – Теперь мне место в цирке. Это ужасно. Но на образце цвет был вроде не такой?» Она всмотрелась в свое отражение. Посмотрела на свету, посмотрела в тени, посмотрела сощурившись. Сощурившись ей понравилось больше всего. «Ну, если он тоже сощурится, успех мне обеспечен».

– Мама! Посмотри на свою дочь!

Мать, прибежавшая на ее отчаянный зов из кухни, застыла как громом пораженная.

– Это... и есть тот цвет, о котором ты мечтала? – проговорила она каким-то сдавленным голосом.

Юлька потупила свою неузнаваемую голову.

– Юля... Это просто невозможно...

– И вот так у меня все. – В голосе Юльки звучал полный мрак. – Это называется – прихорошилась.

– Юля, ты так не можешь идти.

– А не так идти я тоже не могу... Уже пять часов...

– Откажись. Назначь встречу на завтра. Что-нибудь придумаем.

– Мама, пусть будет так... Говорят, истинное чувство ничто не может погубить. – Юлька все же нашла в себе силы пошутить.

– Юля!

– Мама! – Юлька перевела дух. – Думаешь, я не понимаю, что это ужасно? Но менять что-то уже поздно, а с зеленым платьем...

– Оно тебя не спасет.

– Пусть он думает, что это шутка, – вздохнула Юлька. – А то я переживаю за его чувство юмора... Буду его развивать понемногу... Даже в ущерб себе...

– Для молодой девушки у тебя удивительно мало чувства...

– Кокетства?

– Да, если хочешь, – отпарировала мать. – Но под этим подразумевалась невозможность выйти на улицу в уродливом платье или с неудачной прической.

– Значит, мне ничто не грозит. – Юлька пожала плечами. – Уже это радует. А теперь, мама, иди и дай мне закончить туалет.

Мать, все еще вне себя от возмущения, прикрыла дверь. Юлька в спешке натянула платье, достала косметичку, открыла ее и задумалась. «Мои несчастные глаза обведем черным-черным карандашом... А губы... Пусть будут почти белые, перламутровые... Румяна... Ну, чистый театр!» Девушка в зеркале постепенно приобретала вид непонятного авангардистского произведения искусства. Юлька не узнавала себя. Похлопала крашеными ресницами, надула отливающие перламутром губы, взбила пальцами морковные кудри. Крутанулась на каблуках, парусом надув широкую юбку. «А что? Ничего... Хорошо бы показаться Максу. Он бы точно сказал, что у меня этот, как его... сексуальный идиотизм».

Оставшееся время Юлька провела сидя на стуле у открытого окна, прикуривая одну сигарету от другой – дым колечками уползал во двор.

«Москвич» въехал в арку ровно в шесть. Дверца открылась, и Женя вышел из машины – такой представительный, что у нее сжалось сердце. «Господи, он меня просто пошлет, – в отчаянии подумала она, – в белом пиджаке, мама

миа! И сейчас к нему вылетит рыжий клоун...» Она сжала зубы и ринулась вон из комнаты, прихватив сумочку.

– Я ухожу! – крикнула она матери. – Он уже тут.

– Оба вы клоуны, – хмуро бросила та. – И ты, и твой разлюбезный Макс.

Юлька постаралась не хлопнуть дверью. Она вылетела из подъезда, вертясь, как пуля на солнце, – рыжая пуля в развевающемся зеленом платье. И Женя, протянувший было к ней руки, был этой пулей убит наповал. Она увидела, как меняется его лицо, на котором застыла приготовленная к ее встрече улыбка. Выражение, которое появилось на его лице, трудно было выразить словами. Изумление, ужас, растерянность – все это было слабо сказано. «Пропало дело», – подумала Юлька и нагло, опережая его приглашение, юркнула в машину, чтобы он не успел передумать.

– Привет! – сказала она, когда он, опомнившись, последовал за ней. – Ты счастлив меня видеть, как я поняла?

– Д-да... – Он выговорил это нетвердо, пытаясь при этом улыбнуться. – Да, очень, очень...

– Ужасно, правда. – Она постаралась, чтобы это прозвучало не как униженный вопрос, а как гордое утверждение. – Я иногда испытываю острую потребность быть ужасной. Сегодня именно такой день.

– Юля, это очень глупо. – Он взял себя в руки. – Это несколько неожиданно... Ты меня даже не предупредила...

– О, я никогда не предупреждаю. Я просто становлюсь

ужасной, и все. В этом вся прелесть, в неожиданности. Тебе не нравится?

– Нет, мне нравится! Так мы едем?

– Ну да, а ты решил, что я передумаю? – Юлька весело шурилась от солнца, бывшего ей в глаза. – Скажи, а меня пустят в это твое кафе? Ну, я имею в виду, что, может, у них там какие-нибудь расовые ограничения: вход запрещен неграм, собакам и рыжим...

– Юлька, ты прелесть! – почти весело воскликнул он, и она облегченно вздохнула.

– Я тоже так думаю. Тебе привет от Макса.

– Спасибо, – прохладно ответил он, включая магнитолу. – Вы вчера, наверное, в деталях меня обсудили?

– Конечно. – Юлька закурила и выдула струйку дыма на лобовое стекло. Ветер, врывающийся в опущенное окно, тут же развеял дым по салону. – Мы ведь соседи, ко всему прочему.

«Боже, как странно, – подумала Юлька, искоса глядя на своего кавалера. – Похоже, его ревность ни капельки не уменьшилась из-за моего идиотского вида...»

– Жень, а тебе не кажется, что цвет моих волос мог бы быть и не таким диким?

– Нет, не кажется. Прекрасный цвет. Очень смело.

– Да? Что смело – я не спорю. Но тебе, лично тебе, как мужчине, он нравится?

– Да, – коротко ответил он.

– А может, ты просто деликатничаешь со мной?

– Нет.

«Деликатничают, – поняла Юлька. – Джентльмен, в этом ему не откажешь...» Она только вздохнула.

– Юль, ты так стремительно выбежала, что я совсем забыл, что хотел представиться твоей маме, – прервал молчание Женя.

– Так сразу? – удивилась Юлька. – Мы еще и друг другу-то не слишком представлены. Я, например, не знаю о тебе ничего.

– А что ты хочешь узнать?

– Возраст, например.

– Двадцать пять.

– Профессия?

– Как тебе сказать... – Женя замялся.

– О! – Юлька насторожилась. – Что-то загадочное?

– Да нет... В двух словах трудно сказать, какая у меня профессия. Отец никак не оставит идею, чтобы я доучивался на юрфаке. А я не могу его видеть, юрфак, а не отца.

– А... – сочувственно протянула Юлька. – Вольному воля...

– Как посмотреть, – сухо возразил Женя, глянув на нее. – Воли как раз маловато, постоянные разборки.

– Знакомо, – вздохнула Юлька. – Хотя мне не приходится доучиваться на юрфаке. И вообще нигде... А, собственно, чем бы ты хотел заняться потом?

– Не знаю, – совсем сухо ответил он.

– Совсем-совсем не знаешь? – разочарованно протянула Юлька. – Значит, как я.

Она грустно смотрела прямо перед собой. «Значит, папенькин сынок. Вроде Гарика. Мерзкий Гарик. Значит, папочка кормит моего героя из клюва в клюв. Прекрасно. Это мерзко!» Женя первый нарушил молчание:

– Тебе не понравилось то, что я сказал?

– Нет, – честно сказала Юлька. – Я деликатничать не буду, мой цвет волос меня к этому не обязывает. Тебе двадцать пять лет, а ты совсем-совсем ничем не занимаешься?!

– Кто тебе сказал, что не занимаюсь? – возмутился он. – Я, между прочим, классный механик. Мог бы запросто в автосервис идти.

– А почему не идешь?

– А зачем?

– Послушай, неужели так приятно брать деньги у отца?

– А что здесь такого? – пожал он плечами. – Я ему отбываю их сполна. Помогаю ему вести дела, – коротко пояснил он.

– Это как? Подаешь ему воду, когда он говорит речи в суде?

– Он в суде не выступает, – отрезал Женя. – У него частное дело.

– О!.. – благоговейно произнесла Юлька. – Так он капиталист, самый натуральный?

– Что ты болтаешь... – Жене, видимо, не понравились ее расспросы. И он смотрел на дорогу; они ехали вверх по Рождественскому бульвару.

«Прекрасный вечер... – с грустью подумала Юлька, закуривая еще одну сигарету. – Он красивый, нарядный, ни слова худого не сказал про мою несчастную нелепую голову... Но почему мне так тяжело на душе... Грустно, что ли? Нет, как-то мутно... Да, какой-то холод и какая-то муть... Как это странно. Сиротливо, вот именно, сиротливо. Что такое?! И холодно как-то...»

– Юлечка, мы приехали! – Женя сказал это так, будто всю дорогу они болтали о самых милых и веселых вещах. – Вот это легендарное место.

Юлька вылезла из машины.

На высоком сером доме висела мемориальная доска. «Верно, Есенин», – отметила она.

– Кафе во дворе, – пояснил Женя. – Идем.

Он запер машину и взял Юльку под руку. Они прошли во двор и по крутым ступенькам спустились в полуподвальное помещение, выкрашенное матовой белой краской.

– Подземелье... – прошептала Юлька. – А обслуживают здесь духи?

– Тебе понравится, не бойся, – усмехнулся Женя. – Или ты думаешь, я заманил тебя в разбойничий притон?

– Для притона тут все слишком белое, – возразила Юлька. – Скорее, это похоже на больницу.

– А для больницы здесь слишком вкусно кормят.

Они оказались перед дверным проемом, занавешенным раскрашенными бамбуковыми нитями. Женя отвел загремевшие бусы-висюльки в сторону, и они вошли в зал кафе. Юлька выпятила грудь и попыталась придать себе независимо-самоуверенный вид. Надо отдать должное Жене – он беспретпетно вел ее по залу, словно рядом с ним шло чудо красоты. И она сразу успокоилась и почувствовала, что сможет, пожалуй, выдержать этот вечер.

К ним с ясной улыбкой подошел мальчик в малиновом бархатном пиджаке и проводил к столику. Юлька уселась, с удовольствием отметив изумленное выражение, на миг мелькнувшее в глазах мальчика. «Пусть порадует, бедняжка, – подумала она. – Такого он даже при всей своей многоопытности не видел...» Она закинула ногу на ногу, придиричливо оглядываясь по сторонам. Мальчик подал им меню.

– Саша, сделай нам хороший ужин, – сказал ему как старому знакомому Женя. – Блесни.

– Да уж, пожалуйста, – пробормотала Юлька, изучая карту. «Матушки! – крикнула она про себя. – А это что?! Цены?! Ото... Помидоры фаршированные... Пятнадцать долларов... Мясо по...»

– Юль, можно я по своему вкусу тебя угощу?! – почти умоляюще сказал Женя. – А?! Ну позволь, я выберу!

– Пожалуйста! – охотно согласилась она. «Если он разорится, сам будет виноват...»

И Женя стал называть: жульенчик, куропатку с травками по-охотничьи, фруктовую закуску, много чего.

– Ты красное или белое? – обратился он к Юле.

– Все равно... – Юлька вдруг почувствовала себя здесь бедной родственницей, и ей стало неуютно и грустно.

Саша удалился на кухню. Юлька подняла взгляд на Женю.

– Ну, как тебе здесь? – не скрывая торжества, спросил он. – Шикарное место, правда? И главное – зал маленький, народу мало, место непроходное... И почти вся публика – постоянная.

– Я в восторге, – вяло отозвалась Юлька. – Только вот этот Саша мог бы больше походить на Есенина.

– Ну, не будь так строга, – возразил он. – Сейчас мы вкусненько поедим...

Юльку вдруг передернуло.

– Тебе холодно? – заботливо спросил Женя. – Может, накинешь мой пиджак? Странно, здесь даже душно... Юль, ты, кажется, чем-то недовольна?

«Отвечай, свинья! – сказала она себе. – Скажи ему, что это прекрасный воскресный вечер, что ты всем страшно довольна, что он очень мил... Отвечай человеку, видишь, как он тебе, дуре крашеной, старается угодить. Не порть вечер ему и себе!» Но вместо этого она произнесла:

– Этот Саша... Он смотрел на меня, как на привидение.

– Юля...

– Ты будешь со мной спорить? – вяло спросила она. Ощу-

щение бесконечной тоски подступило к ней. Руки холодели, во рту появился мерзкий металлический привкус. Она сглотнула комок, застрявший в горле. «Ничего себе. Что же это такое? Как будто что-то случилось или вот-вот случится... Что-то странное...»

– Юля, ты мне очень нравишься, – тихо сказал он.

– Правда? – так же тихо переспросила она.

– Да. Я говорил тебе об этом, и не один раз. Что с тобой? Я сделал что-то не то?

Он сцепил руки, словно в отчаянии. Она не могла отвести глаз от его пальцев. На безымянном пальце левой руки блеснуло крохотным зеленым камешком золотое кольцо. Она еще вчера вечером обратила на него внимание, но толком так и не рассмотрела. И сейчас не могла отвести глаз от него. Узкая золотая полоска, треугольник из трех крохотных, почти с булавочный укол камешков – бриллиантов, судя по всему, и в середине, как маленький глаз насекомого – изумрудик.

– Красивое... – сказала она.

– Что? – Он перевел взгляд на свои руки. – А, это отец подарил. Юля, скажи, что я сделал не так? Клянусь тебе, что сделаю все, чтобы ты стала такой же веселой, как вчера. Ну, хочешь, уйдем отсюда? Тебе здесь не понравилось, да?

– Очаровательное местечко... – Ее рука непроизвольно метнулась к горлу. Она приподнялась со стула и тут же опустилась на место.

– Что с тобой?

Его голос донесся издалека. Удушье, черное, тяжелое удушье наваливалось на нее. Как будто кто-то схватил ее за горло и сильно сдавил. Голова закружилась. Кажется, она вскрикнула, потому что услышала словно бы эхо своего крика. Потом все исчезло. Она пришла в себя в каком-то странном месте. Над ней был низкий белый потолок. Рядом с ее головой торчал из стены кран умывальника. Больше она не видела ничего. Повернула голову. Комнатка, скорее похожая на коридор, – узкая и длинная. Одна дверь в начале, другая – в конце. Чьи-то голоса за одной из дверей. Она села на диванчике, взъерошила руками волосы, с удивлением увидела морковные пряди, вспомнила, что перекрасила их сегодня специально для этого свидания. Вспомнила, где она, должно быть, находится. Подумала о Жене.

«Где он? Пусть отвезет меня домой. Домой! Мне больше ничего сегодня не надо. Боже, какая я невезучая. Какая я нелепая».

Дверь, из-за которой слышались голоса, открылась, и в коридорчик вошел Женя. Он был бледен как мел.

– Юлечка, любимая, что с тобой такое? – В его голосе прозвучало такое искреннее сочувствие, что Юлька едва не расплакалась.

– Я не знаю, Женя, что со мной... Черт-те что со мной!

– А вчера? – Он присел перед ней на корточки и заглянул ей в глаза: – Вчера было то же самое?

– Да, – кивнула она.

– Точно так же? Когда мы с тобой танцевали?

– Да... Если бы я знала почему... Никогда в жизни, поверь, не падала в обморок...

– Это не просто обморок... Ты как будто... Знаешь, ты делала руками такие движения, как будто тонула...

– Я задыхалась. Не могла дышать. Знал бы ты, как это страшно, – простонала Юлька, закрывая лицо руками. – Не смотри на меня. Я страшная после этого припадка.

– Ты прекрасная. Я тебя люблю.

Она посидела секунду, не отнимая рук от лица. Потом отняла их и с изумлением посмотрела на него. Молодой, холерный, красивый парень в дорогом белом пиджаке сидел перед ней на корточках и признавался ей в любви на второй вечер после знакомства. Парень смотрел на нее серьезно и был, судя по всему, в здравом уме, так что сомневаться в его словах не приходилось. Но тогда ей приходилось сомневаться в собственном рассудке.

– Женя, – с расстановкой сказала она, – посмотри на меня, посмотри очень внимательно.

– Я только и делаю, что смотрю на тебя, начиная с первой минуты, как только увидел.

– Да? И что же ты видишь?

– Девушку, которую я люблю! Почему ты спрашиваешь?

– Потому что, мой милый, такие принцы, как ты, не влюбляются в таких девушек, как я.

– Какой я принц?...

– Принц, принц... – Она закурила, с наслаждением затянувшись сигаретой, и почувствовала себя почти в норме. – Сам подумай, кто ты, а кто я?

– Кто я, ты уже знаешь. Ничтожество, если ты это хотела сказать.

– Ну к чему такая самокритика. – Она жестом остановила его. – У тебя прекрасное прошлое, чудесное настоящее и замечательное будущее.

– Ты так думаешь?

– А разве не так? Папа адвокат, мама... Кто мама? – почти грубо спросила она.

– Никто, – растерявшись, ответил он.

– Как ты?

Он хотел что-то ответить, но сдержался и только сжал губы. Но глаза его на миг стали злыми.

«А жаль, что не ответил, – подумала она. – Тогда точно все было бы кончено».

– Ну ладно, милый. Значит, папа обеспечивает всем вам райскую жизнь, а тебе и маме можно просто быть никем. А вот мне и моей маме, мой милый, чтобы жить, надо быть кем-то. Слышишь, надо где-то пахать, чтобы что-то жрать.

– Юля...

– Помолчи! Мне противно тебя слушать. Ты опять скажешь, что влюбился в меня и не понимаешь, почему между нами ничего невозможно.

– Скажу, – кивнул он. – И буду повторять это до тех пор, пока ты не выбросишь из головы свой бред.

Она вдруг поникла.

– Скажи, за что я на тебя взъелась?

– Не знаю! – в сердцах ответил он. – Думаю, просто так. Потому что никаких реальных причин для этого не вижу.

– Знаешь, я просто-напросто тебе не верю, – призналась наконец она. – Не верю я, что ты в меня влюбился. Этого не может быть.

– Но это так, боже мой!

Юлька понуро смотрела на него, а Женя, заметно волнуясь, снова схватил ее за руки.

– Пойми же, я люблю тебя, люблю, люблю, слышишь! – Он повторял эти слова, будто бы злясь. – Можешь ли ты понять, наконец!

– Хотела бы, – кивнула Юлька. – Но трудно.

– Уф. – Он отпустил ее и сел на диванчик. – Нет больше сил. Ты меня вымотала.

Юлька вздохнула. Посмотрела на его ссутулившиеся широкие плечи. Вздохнула еще раз, со значением. Он поднял голову.

– Мы все еще в этом дурацком кафе? – осведомилась она.

– Да.

– Ну так пойдем съедим наш ужин. А то мама скажет, что я не в кафе с тобой была, а в постели, когда я приду домой и наброшусь на черствый хлеб.

Они вернулись в зал, где за это время (оказалось, что прошло всего двадцать минут) прибавилось народу, сели за свой столик, и официант Саша, не выражая никаких эмоций по поводу увиденного, быстро стал подавать на стол блюдо за блюдом. Женя оживился, и Юлька тоже повеселела. Она с аппетитом ела и запивала белым вином деликатесы. Мир не так уж плох. Закурила, пустила струйку дыма в потолок.

– Ты довольна? – с тревогой спросил ее Женя.

– Угу, – рассеянно ответила Юлька и, глядя на его растерянное лицо, засмеялась: – Да что ты опять... Все прекрасно. За исключением самой меня.

– Чувствуешь себя неважно?

– Да, не слишком важно. – Юлька вздохнула и раздавила сигарету в пепельнице. – Думаю о своем несовершенстве и люблюсь твоими манерами. Вытерпеть такую девицу в течение вечера, ни разу не выругавшись... Это высший пилотаж.

– Юля, я не пойму, над кем ты издеваешься – надо мной или над собой...

– Над нами обоими, – заключила Юлька. – Особенно над собой, конечно. Видишь ли, сижу я сейчас и думаю: ну не сошла ли я с ума? Мне только что объяснились в любви в том закутке рядом с умывальником. Я, по сути дела, должна дрожать от тайного волнения и покрываться краской стыда и гордости всякий раз, как ты на меня бросаешь пламенный взгляд. А я не дрожу, ничем не покрываюсь и вообще не ощущаю никакого волнения. Объяснение было? Было. А

у меня такое чувство, что его не было, – уныло закончила она...

– Моя вина, – хмуро пояснил Женя. – Я все так по-дурацки обставил.

– Почему по-дурацки? Даму ты выбрал по-дурацки, а все остальное на уровне.

Она посмотрела наконец ему в глаза и удивилась, увидев в них самую настоящую тоску. Он сидел мрачнее тучи, вертел в пальцах вилку с налипшим на зубья листиком салата и казался смертельно усталым и недовольным собой. Ей стало жалко его.

– Ну, Жень, не расстраивайся. Вечер, конечно, испорчен, но завтра же ты пригласишь сюда какую-нибудь свою знакомую. Приличную девушку с пристойным цветом волос и светскими манерами. Вы проведете чудный вечер. – Говоря это, она не слишком-то веселилась. Ей не очень понравилась возникшая в воображении картина этого завтрашнего ужина. Юлька зажмурилась и потрясла головой.

– Что, опять? – испугался Женя.

– Ты о чем? – машинально спросила она и вдруг вспомнила. «Да, вдобавок ко всему еще и этот обморок. Второй обморок за два вечера. Это начинает превращаться в привычку, – хмуро подумала она. – Что же это такое? Ничего подобного с ней раньше не случилось. Так может быть у беременных... Но это совершенно исключено. Идти к врачу? А к какому?»

– Юля, прости, что я тебе об этом напоминаю. – Женя заботливо склонился к ней. – Тебе обязательно надо показать-ся врачу. Только хорошему, частному, моя мать найдет. Не надо по поликлиникам мотаться.

– Да ты меня прямо в оборот берешь, – изумленно сказала Юлька. – Ни к какому врачу я не собираюсь. Это просто жара несусветная доняла.

– Ну ладно. А если что, ты только дай знать.

Явно гордый тем, что может что-то для нее сделать, Женя откинулся на спинку стула. Юлька задумалась, глядя на него. «Так... Судя по нашим словам, мы пока не собираемся бросать бедную, глупую, ужасно рыжую девочку... Чем я его присушила, в конце концов? Уже и к врачу, уже и то и се... Вцепился, прямо вцепился... Тошно, вот что необычно! – поймала она наконец ускользавшее от нее ощущение. – Вот почему мне как-то не по себе».

– Может, закажем что-нибудь еще? – Голос Жени вывел ее из задумчивости.

– Нет, больше ничего не хочу. И знаешь, здесь, конечно, классно, но давай все же выйдем на воздух. Может, мне и плохо стало от здешней духоты.

На улице Юльке действительно стало намного легче. Она остановилась, вдыхая воздух полной грудью. Летний легкий, едва ощутимый ветерок раздувал складки шелковой юбки, и ее ноги снизу доверху – от лодыжек до бедер – были обласканы ветром и шелком. И словно таким же шелком кто-то

коснулся ее настроения. Ей вдруг захотелось смеяться, шалить, как девчонке, скакать, как молодому веселому щенку.

– Как чудесно! – воскликнула она. – Теперь все замечательно!

– Правда, зря мы там сидели. – Он обрадовался перемене в ее настроении. – Не хочется сейчас садиться в машину. Давай пройдемся?

– Давай, – блаженно кивнула она. «Он мне нравится, он мне очень нравится, – думала она, отходя душой. – Сама нагнала этот дурацкий холод в отношениях и сама испортила нам вечер. Заранее внушила себе, что мне неуютно рядом с ним, а потом удивлялась, почему это так. Да, он немножко крутой, но не самый же он суперкрутой парень в Москве!»

Они шли по Страстному бульвару, голым плечом Юлька ощущала прохладную зернистую ткань его летнего пиджака, слышала легкий запах одеколona, слушала его низкий голос, смотрела в его серые глаза, которые здесь, в тени высоких деревьев, казались совсем темными. Вокруг бульвара шуршали машины, шумела вечерняя летняя Москва, и ей было так уютно и спокойно, как будто она прогуливалась не по улице, а была окружена родными стенами своей комнаты.

Боковая аллея оказалась пустынной. Слева ее замыкала стена кустарника, наполовину подстриженного и брошенного так до завтрашнего дня. Справа – за оградкой – неслись машины. Женя остановился и повернулся к ней. «Сейчас, – подумала она, – сейчас он меня поцелует». Она ждала на ка-

кую-то секунду дольше, чем было нужно для поцелуя. Потом она поняла, что он почему-то не решается ее поцеловать. Он стоял, смотрел на нее, и на его лице было написано какое-то скрытое отчаяние.

– Женья, – не выдержала наконец она, – скажи мне, что происходит? У тебя такое лицо, словно ты мне хочешь сообщить, что на самом деле ты вор и убийца.

Он выдавил улыбку и прокашлялся.

– Юля, – хрипловато сказал он, – я много думал, ну и... Я решил. Выходи за меня замуж.

Если бы на бульваре в этот миг взорвалась бомба, Юлька вздрогнула бы сильнее, чем от этих слов. Она сделала шаг назад и почти со страхом посмотрела на него.

– Я правильно поняла тебя? – после паузы спросила она. – Ты действительно по всей форме сделал мне предложение?

– Да. Я все обдумал.

– Когда?! – почти взвизгнула Юлька. – Когда ты все это обдумывал?

– Вчера, – невозмутимо отвечал Женья. – Вчера, когда я приехал домой, я все обдумал и решил сегодня просить твоей руки.

Юлька схватилась за щеку, словно у нее заломило зубы.

– Вчера?! Вчера ты знал меня, дай бог, часа два. Да что там, меньше.

– Ну и что? – спросил Женья. – Я тебя люблю.

– О боже! – простонала Юлька. – Скажи, ты просто сме-

ешься, да?

– Да это ты надо мной смеешься, – обозлился Женя. – Что бы я ни сказал – чепуха, что бы я ни предложил – глупость. Ты меня сведешь с ума.

– А ты – меня, – пробормотала Юлька. Она снова просунула руку ему под локоть, и они медленно пошли по бульвару. Юлька молчала, а Женя, судя по его сосредоточенному виду, что-то обдумывал. Наконец он остановился, отнял у нее руку и закурил. Взглянул на нее довольно хмуро, но уже без злобы.

– Отвезти тебя домой? – спокойно спросил он.

Сердце у Юльки упало. «Все. Вот и допрыгалась!» Она гордо кивнула, не в силах разжать губы.

Они молча вернулись к кафе, Женя отпер машину, и Юлька устроилась рядом с ним. Всю дорогу они молчали. Только перед самым ее домом, сбрасывая скорость, Женя сказал:

– Я от своего предложения не откажусь.

– Твоя воля, – ответила она, глядя в окно. – Нам сюда.

– Я помню. – Он въехал во двор и затормозил, не выключая мотор.

– Счастливо. – Юлька выбралась из машины.

– До завтра, – хмуро бросил Женя.

– До завтра? – не веря своим ушам, спросила она. – Ты что, и завтра хочешь меня туда везти?

– Нет, завтра я думал познакомиться с твоей мамой, но если ты не хочешь, мы можем просто погулять, поездить по

Москве. А то за город?

– Шикарно... – вздохнула Юлька. – Да, у тебя же вечные каникулы. А я работаю!

– Ерунда! Я за тобой заеду... – он взглянул на часы, – в три часа.

– Ну что ж, можешь заехать. – Она представила себе рутину завтрашнего дня и вздохнула. – Хоть покурим на крылечке. Это в переулке между казино «Карусель» – знаешь такое? – и следующим домом. Второй дом слева. В подворотню, – а там во дворе увидишь высокое железное крылечко. Не ошибешься: на нем обычно стою я и курю.

– Государственная должность, – протянул Женя. – Я тебя прямо с крылечка сниму. Идет?

– Ладно, – согласилась Юлька. – Сделай это как-нибудь пошикарнее, потому что рядом со мной обычно курят наши мальчишки – два таких милых солдатика. Молоденькие-молоденькие...

Она сощурилась, но он только рассмеялся:

– Ладно. Привыкну в конце концов к твоим подкопам.

Она чмокнула воздух, что означало: «Пока, целую!»

Глава 3

Но отправилась Юлька не домой, а конечно же к Макс. Ольга Петровна была в расстроенных чувствах.

– У него, кажется, очередной приступ хандры. Но тебе он, наверное, обрадуется. Маакс! – громко позвала она и, не дожидаясь ответа, подбодрила Юльку: – Иди, Юлечка, поговори с ним.

Юлька осторожно заглянула в комнату Макса. Там было почти темно от сигаретного дыма. Окно, несмотря на душный вечер, наглухо закрыто. На столе – развал бумаг, журнал с вырезанными картинками, раскрытая пишущая машинка.

Юлька чихнула и шагнула в комнату.

– Привет, – довольно равнодушно отреагировал на ее появление Макс, но, бросив взгляд на Юлькину голову, заметно оживился. – Матерь Божья, уже!

– Что уже? – Юлька невольно провела рукой по волосам. Она забыла о своем преображении.

– Уже началось... Это бывает у старых дев, когда их охватывает любовная лихорадка, – пояснил Макс. – Тогда они творят с собой самые невероятные штуки: могут побриться наголо и натянуть малиновый парик, могут переделать себе нос, могут...

Он не договорил, потому что Юлька, подскочив к столу, сделала вид, что хочет сбросить на пол машинку.

– Нет! – возопил Макс. – Не тронь!

– И ты меня не задирай. – Отдуваясь, Юлька поставила машинку на место. – Ну сдуру я, сослепу... Всякий может ошибиться.

Макс не сводил взгляда с ее головы.

– Да, здорово тебя подкосило, – со вздохом признал он. – Прямо раба любви. И что, ему понравилось?

– А ты как думаешь? – хмуро спросила Юлька. – Это вообще кому-нибудь может понравиться?

– Садись, грешная душа. – Макс кивнул ей на кресло, заваленное одеждой. – Рассказывай.

Юлька освободила кресло и уселась. Повертелась, устраиваясь поудобнее. Подперла щеку кулаком и задумалась.

– Ну-ну! – подбодрил ее Макс.

– Значит, так. – Юлька решилась. – Мне было сделано предложение.

Она выдержала эффектную паузу и с удовольствием проследила, как глаза Макса расширились до отпущенных им природой пределов.

– Недурно, – ошеломленно пробормотал он.

– А то как же, – кокетливо подтвердила Юлька. – Ты, надеюсь, мне поверил?

– Да, как ни странно, уж больно вид у тебя идиотский.

– Ничего, не каждый день получаю предложения, – тряхнула головой Юлька.

– Подожди, – забеспокоился вдруг Макс. – Что, он дей-

ствительно сделал предложение ни с того ни с сего?

– Клянусь тебе! – воскликнула Юлька. – Вот так, с бухты-баракты. Я чуть не упала...

– Но он успел тебя поймать в объятия и запечатлел своими мужественными честными устами поцелуй на твоей огненной беспутной голове, – продекламировал Макс.

– Увы, Максик, поцелуя-то и не было.

– Как это не было?! – притворно всполошился Макс. – Душенька, ты ничего не скрываешь от своего старого отца?! Разве нынче делают предложения, не переспав предварительно со своей невестой? А то и сделав ей двух-трех ребят?

– Ты прав, Макс. – Юлька потупилась. – Он вел себя просто ненормально. Честно скажу, если бы он предложил мне что-нибудь этакое...

– Ты бы тут же, на бульваре...

– Молчи, хомяк! Ничего бы я не тут же. Но я, по крайней мере, прекрасно бы его поняла. Что ж тут было бы странного? Ну, отказала бы, поломалась бы... Ну, не знаю... Но он ничего, понимаешь, совсем ничего мне не предложил... Скажи, Макс, все, что я тебе рассказала, не очень глупо?

– Довольно глупо, – признался Макс. – Значит, он не проявил к тебе никакого мужского интереса? За исключением предложения, конечно? Впрочем, ты не расстраивайся, – ободрил ее Макс. – Откуда нам знать, может, у него замедленное сексуальное развитие, какой-нибудь комплекс...

– Ты с ума сошел?! – возмутилась Юлька.

– Вовсе нет. Он сначала женится на тебе, поживете годика два-три, а потом наберется сил и начнет проявлять к тебе мужской интерес.

– Прекрасно! – фыркнула Юлька. – Зачем мне недоразвитый муж?

– Ну, на время его до развития заведешь себе достаточно развитого любовника, – посоветовал Макс.

– Ты на кого намекаешь?

– Боже меня упаси намекать. – Макс предостерегающе поднял палец. – И вообще, это только версия. Может, он просто боится тебя спугнуть. Кто знает, какие у него представления о молодых девушках?

– Какие бы ни были, но разве можно девушку спугнуть поцелуем? Да не в темном подвале, а среди почти белого дня, почти на людях, после предложения руки и сердца.

– Так когда же свадьба?

– Пока не знаю.

– А почему? Ты что ему сказала?

– Ничего! – Юлька развела руками.

– А, ты небось начала изображать сомнение – дай мне подумать, я еще не решилась... Смотри, допрыгаешься. – Макс впал в глубокую задумчивость, из которой его, впрочем, скоро вывел голос Юльки:

– Макс, а я опять сегодня грохнулась...

– А? – рассеянно отозвался он. – Ну и что? Погоди, что

ты сделала?

– Грохнулась, говорю. В кафе. Очень было стыдно, может, из-за этого я ему потом ничего не сказала. Когда он делал мне предложение. Настроение испортилось.

– Иди сюда, – потребовал Макс. Юлька послушно подошла. – Высунь язык!

– А-а...

– Нормальный язык, – заметил Макс и без всякого предупреждения ткнул ее кулаком в живот. – Ты, часом, не беременна?

Юлька охнула и согнулась, закрывая живот руками:

– Макс! Придурок! Куропатки! Вино! Чертовы помидоры!

– Что такое? Что за бред?

– Ужин, мурзилка. – Юлька хлопнула его по голове и опустилась рядом с ним на тахту. – Ты ударил по моему ужину, и мне теперь плохо...

– Ничего, – философски заметил Макс. – Главное – спокойная совесть. Я сделал, что мог. По-моему, ты здорова. Как именно тебе было плохо сегодня?

– Было все то же. Мне нечем стало дышать. Будто кто-то схватил меня за горло и сдавил. Макс, мне это не нравится, – вздохнула Юлька. – Неужели я заболела? Никогда ничем таким не болела.

– Хорошо бы понять, что это такое. – Макс сосредоточенно смотрел прямо перед собой. – Удушье, обморок... Чув-

ство сдавленности в горле. Так?

– Именно так. – Юльку передернуло. – И теперь я боюсь, что все это повторится.

– Интересно-интересно... – прошептал Макс. – Ну, а кроме этого, есть какие-нибудь симптомы?

– Чего? – не поняла Юлька.

– Говорю, что еще чувствуешь, дура?

– А-а... Ну, чувствую тоску. Что-то вроде какого-то холода или ветерка... Как ты думаешь, идти мне к врачу?

– Подождем, – решительно заявил Макс. – Но как интересно! Раньше-то у тебя ничего такого не бывало?

– Нет, говорю тебе.

– Никогда?

– Никогда, – уверенно сказала Юлька.

– Ты не можешь этого утверждать, – усомнился Макс. – Это могло быть в детстве, ты была еще маленькая и не запомнила. Надо спросить твою маму.

– С ума сошел?! Да она насмерть перепугается, ей нельзя про это говорить. Это мои проблемы.

– И мои теперь, – вздохнул Макс. – Почему твои проблемы рано или поздно становятся и моими?

– Не знаю, – проямлила Юлька. – Ничего я не знаю, ни в чем не уверена. Макс, мои волосы в самом деле ужасны?

– Помолчи. – Макс явно пытался поймать какую-то ускользавшую от него мысль. – Сейчас-сейчас... Ах ты, черт... Ушла!

– Кто?!

– Мысль! Была-была и вдруг ушла, – раздраженно откликнулся Макс. – И мне кажется, что это была очень важная мысль... И она касалась тебя...

– Ну вот! – Юлька неподдельно огорчилась. – Мне сейчас очень пригодилась бы какая-нибудь важная мысль, касающаяся меня. Как ты мог ее потерять?!

– Еще найду! – пообещал ей Макс. – Бессонница теперь обеспечена. Знаешь, я думал о твоих припадках, и тут эта мысль мелькнула...

– Обещай, что вспомнишь! – попросила Юлька, поднимаясь и оправляя смявшуюся юбку. – Это очень меня беспокоит.

– Меня, представь, тоже. Я считаю, что не вправе подсовывать такому честному парню такую больную невесту, – пошутил Макс. – Сначала я тебя вылечу, а потом ты дашь согласие на свадьбу, лады?

– Тогда, наверное, мне не светит когда-нибудь выйти замуж, – вздохнула Юлька. – Доктор ты еще тот. Кстати, как мать? Пилила вчера? По-прежнему желает, чтобы ты шел в мединститут?

Ольга Петровна не верила в психоанализ, в чем и заключался корень ее разногласий с сыном. Сама она работала анестезиологом в роддоме и имела весьма приземленные взгляды на жизнь и медицину. Для сына она мечтала о карьере терапевта, а подсознание считала выдумкой богатых бездель-

ников.

– Нет, обошлось. Я сразу впал в хандру, – пояснил Макс.

– Почему?

– Не знаю... – Он снова откинулся на подушки. – Просто паршивое настроение.

– Может, из-за меня? – подсказала Юлька. – Что там вечно болтают про подсознание твои любимые психоаналитики? Сознательно ты меня не любишь, а подсознательно очень любишь и дико ревнуешь к этому Жене?

– Дитя мое, это исключено, – заверил ее Макс. – Вы встретитесь завтра?

– Ну да. Но как мне быть с ответом? Я не сказала ему ни «да», ни «нет». Он ждет ответа.

– Викинг! – Макс умиленно сложил ладони. – Я просто обязан способствовать вашему браку. Какой жених! Какой подарок! Скажи нашему Ромео, что должна подумать. Если будет настаивать, упади в обморок.

– Черт! Не напоминай мне об этом.

– Ладно, иди. Привет Ромео.

Мать ждала Юлю на кухне. Она курила, что бывало с ней редко.

– Мам, вот она я, живая и здоровая, – осторожно сказала Юлька.

Мать, нервно затянувшись, кивнула. Юлька почуяла неладное.

– Это был он? – спросила мать голосом, не предвещавшим

ничего хорошего. – Этот парень в белом пиджаке.

– Ну да. Он хотел подняться к нам, познакомиться с тобой, но я решила не торопить события.

– Так... – Мать поперхнулась дымом и закашлялась. – Юля, он мне не нравится.

– Ну вот, приехали, – огорчилась Юлька. – Ты же его толком даже не видела.

– Видела и успела понять, что это тот самый тип богатых мальчиков-бездельников, которым все дозволено.

– Мама, мама, если бы ты знала, насколько ты не права. – Юлька засмеялась и молитвенно сложила руки на груди. – Этот богатый мальчик-бездельник сегодня сделал мне предложение руки и сердца и при этом так оробел, что даже не решился меня поцеловать.

Мать онемела.

– Это правда, мама. Если бы ты его видела в тот миг, ты бы первая его пожалела. Да, он не беден, и родители его обеспечивают. Все так. Но он совсем не наглец, не подлец, ничего в этом роде. Уверяю тебя.

Мать наконец обрела дар речи:

– Он сделал тебе предложение? С какой стати? У вас что, было что-то?

– Гуляли под ручку по Страстному бульвару, – призналась Юлька. – А до этого ужинали в доме, где жил Есенин. Вот все мои грехи, падре.

Мать только вздохнула.

– Все это как-то ненатурально, – заметила она. – Мне кажется, у вас совсем ничего нет... Никакой любви... И вдруг – предложение. Ты меня не обманываешь?

Мать испытующе посмотрела на нее. Юлька отвела глаза, как всегда не выдержав ее взгляда.

– Юля, будь осторожна, – грустно сказала мать. – Я знаю, что мои ошибки ничему тебя не научат, ты, как и все прочие, не извлекаешь опыт из чужих ошибок. И все же – будь осторожна.

– Я буду очень-очень осторожна, – пробормотала Юлька и отправилась к себе в комнату.

Там она скинула туфли, стянула через голову платье и усе-лась перед зеркалом. «Бледная, очень бледная, – пожалела она себя. – А с этими волосами и вообще – дитя трущобы. А макияж был приличный. И вечер был неплохой. Если бы я только сама его не портила. Женя вообще был на уровне. Мне повезло, повезло!» Она накинула халат, забралась на постель и легла, поджав под себя отекавшие ноги. Закрыла глаза и задумалась.

«Мама никак не может забыть... – Рука Юльки протяну-лась за сигаретой. – Неужели она так любила отца? Или помнит только оскорбление? Да. Такое не забудешь».

И Юлька снова во всех подробностях вспомнила историю, которую не так давно рассказала ей мать.

Когда-то Наденька, хорошенькая девушка лет семнадца-ти, страстно мечтавшая об Институте иностранных языков,

познакомилась в доме у знакомых с молодым (но все же старше ее) человеком – Станиславом Краевским. Красоты этот молодой человек был необыкновенной и необыкновенной же оказался предприимчивости. Правда, насчет Наденьки он ничего не успел предпринять, зато преуспел в делах, относившихся к металлу, цвета которого были Наденькины локоны. Станислав, как оказалось, спекулировал золотыми изделиями. Его посадили, и Наденька, потрясенная этим фактом, долго не могла опомниться. Ее родители о Станиславе ничего не знали – куцый их роман был в самом начале безжалостно прерван суровой рукой закона. Станислав угодил в тюрьму. Но Наденька ждала.

Конечно, это платоническое ожидание не продлилось бы долго. Наденька, поступившая в иняз, забыла бы Станислава... Но Станислав неожиданно вышел на свободу, хотя до конца его срока оставалось еще несколько лет. Наденька так и ахнула. Был потрясен и Станислав тем, что эта златокудрая девчушка ждала его. И роман закрутился с ускоренной силой. Станислав объяснил Наденьке, что он оправдан, оправдан полностью, к золоту больше не прикоснется (тут он ее поцеловал), и осужден-то был несправедливо (тут Наденька его поцеловала), и ничего он так не хочет, как соединить свою жизнь с Наденькой навсегда. (Тут следует продолжительный поцелуй.)

Краевская Юлия Станиславовна закурила вторую сигарету и продолжала смотреть в сгустившиеся сумерки ничего не

видящими глазами.

Станислав снял квартиру и предложил Наденьке самостоятельную жизнь вдали от предков. И она согласилась, уверяя себя, что счастлива, совершенно счастлива... За маленьким исключением – Станислав почему-то и слышать не хотел о законном браке. Но он был такой внимательный, заботливый, нежный... И Наденька перестала его спрашивать, откуда у них деньги и куда это он иной раз надолго пропадает... Одно утешало ее – куда бы ни исчезал Станислав, ночевал он всегда дома.

Рождение дочери привело Станислава в полный восторг. «Отец – я! – гордо заявил он. – Пишите – Краевская... Да, Станиславовна!»

Теперь они жили втроем. И это была бы совсем счастливая жизнь, если бы Наденька, почувствовавшая вдруг ответственность за судьбу своего ребенка, не принялась допекать Станислава требованиями жениться. Он страдальчески морщился, умоляюще складывал руки на груди, просил не трогать этой темы... И в конце концов Наденька вытянула из него страшную правду – Станислав, ее Станислав давно уже был женат. История была достаточно банальной – падкий до девичьих прелестей Станислав обольстил когда-то некую уборщицу. Уборщица, при всей своей интеллектуальной неразвитости, оказалась бабой расторопной и женила Станислава на своей цепкой юной особе. У них родился ребенок – девочка, которая была на три года старше Юли. Од-

нако Станислав решил, что, сходяв в загс, исполнил все, что от него требовалось, и даже больше. На этом он счел свою семейную жизнь законченной. Он оплачивал жене содержание дочери и ее собственное, навещал их раз в неделю, а сам продолжал жить отдельно. Тут-то и появилась Наденька – милая, умненькая, кроткая. Однако о разводе с женой и речи быть не могло: эта крепкая женщина вцепилась в него как клещ и грозила, в случае чего, сходить в прокуратуру и самолично открыть закону довольно неприглядные подробности деятельности Станислава. «Я уверен, что она-то меня и заложила, – мрачно говорил он Наденьке. – Проклятая баба».

Наденька молчала, как каменная. Она прикидывала варианты своей будущей жизни – уйти с ребенком... Куда? И как быть с Юлькой? Станислав, какой-никакой, а все же отец ей... Любит ее, нянчится с ней... И она осталась – укоряя себя за безволие, за слабость.

А Станислав словно бы повеселел – тащил в дом всякие вещи, иной раз очень дорогие: «Юльке в приданое». Строил планы: «Подожди, Надюша, Юлька наша будет в золоте ходить!» – «В золоте? – с ужасом спрашивала Наденька. – Ты же обещал...» Станислав только смеялся, подкидывая к потолку дочь, и Наденька с грустью отмечала, что у крохотной Юльки на губах возникает та же самая улыбка – безмятежная, ясная, лучезарная. Но даже такое относительное счастье Наденьки не было долгим. В один прекрасный день Стани-

слав мрачно заявил, что ему придется исчезнуть. Он должен уехать в Швецию, иначе его загребут окончательно, и отсидеть ему теперь придется полностью. На этот раз не удастся откупиться. Нужно уезжать. Есть такая возможность. «Какая? – машинально спросила Наденька. – Откуда у тебя там родственники?»

Оказалось, что еще полгода назад Станислав отправил туда жену с дочерью.

«Ты ведь не знаешь, – неохотно пояснил он, – у меня мать... Ну, ее фамилия Эстерзон. И я... Словом, взял теперь ее фамилию... И жена, конечно, тоже взяла мою... Под фамилией Эстерзон ее выпустили. И теперь мне можно ехать к ним...»

Наденька молчала. «Надя, пойми меня... Мне нельзя здесь оставаться! Квартира, конечно, твоя... И Юльку я обеспечу». – «Ничего не надо, – глухо ответила ему Наденька. – Я денег не возьму. Юльке ничего от тебя не надо».

Деньги, конечно, пришлось взять. Станислав, подозревая, что пересылать деньги из Швеции будет трудновато, просто-напросто открыл счет на имя Наденьки. «Я не буду брать этих денег», – предупредила она его. «Ну и глупо, – заметил освободившийся от неловкости Станислав. Теперь он говорил даже весело. – Трать на себя и на Юльку. Я думаю, через годик-другой я приеду и еще привезу...» – «Я не хочу тебя больше видеть», – ответила она. На этом они и расстались. Станислав поцеловал напоследок дочь, чмокнул в ще-

ку окаменевшую Наденьку и отбыл в сказочную страну Швецию, откуда доносились звуки «АББА» и «Сикрет сервис», но собственный его голос не донесся ни разу. Станислав пропал – пропал окончательно.

Мать Юльки обменяла квартиру, оставленную Станиславом, и переехала с дочерью на Яузский бульвар. Тут ей было спокойнее, и она надеялась, что многочисленные знакомые Станислава навсегда забудут о них. А на старой квартире они постоянно напоминали о себе звонками: «Как там Стась? Не пишет? Нет? Странно, что ничего не слышно...»

Замуж Наденька так и не вышла. А деньги, оставленные Станиславом на сберкнижках, постигла в конце девяностых годов общая участь – все эти тысячи превратились в прах, в бумажный мусор, как раз в то время, когда Юлька выросла.

Обо всем этом Юлька думала, лежа на постели и докуривая последнюю сигарету. Она пыталась вспомнить отца. «Какой он был? Красивый, я знаю. Фотографии остались... Веселый. Какой еще? Мать говорит – безответственный... А мне думается – просто несчастный. Запутался в женщинах, в своих махинациях. Конечно, сам виноват, что запутался, но все же... Мне кажется, он был не злой... Да и мать говорит, что злым он не был... Интересно, где он сейчас? В Швеции? Мой отец – в Швеции, только подумать...»

Юлька разделась, залезла под одеяло и провалилась в сон.

Ее огненная голова произвела фурор на работе. Гоша и

Сергей – двое мальчиков, проходивших практику в газете, встретили ее восторженными воплями.

– Повернись! Ой, умру! – визжал Гоша. Более сдержанный Сергей молча рассматривал ее и неуверенно улыбался.

– Хватит орать, – мрачно бросила Юлька, усаживаясь за компьютер. – Лучше работайте.

– Мы и так работаем, – заметил Гоша. – А ты, между прочим, зря пришла. Тебе работы нет. Номер сдали в набор, а материал для следующего еще не принесли.

– И что же мне делать? – вздохнула Юлька. – Домой идти?

– Конечно иди! – поддержали ее мальчики.

– Или остаться? – размышляла вслух Юлька. Ей вспомнилось, что Женя обещал приехать к трем сюда, во двор. «Уйду – не встречу с ним... – подумала Юлька. – А кто сказал, что не встречу? Просто приеду к трем, сделаю вид, что и не уходила никуда. Буду стоять на крыльце и курить, когда он придет. А дома пока поем, поваляюсь... Еще голову покашу! И к Максиму зайду, может, он вспомнил».

– Мальчики, значит, так, – скомандовала она. – Я ухожу. Если полковник спросит, где я, скажете, что пошла в магазин за чаем...

Юлька сорвала с вешалки сумку и выбежала из редакции.

Матери дома не было. Юлька достала купленную по дороге краску, развела ее согласно инструкции и совершила над своей головой новый кощунственный акт. Обмотала шею старым полотенцем, чтобы кожа не покрасилась, и усе-

лась на кухне с чашкой слабого кофе и сигаретой. «До трех успею... – подумала она. – Интересно, а вдруг это у меня превратится в привычку – ежедневно менять цвет волос? И все – из-за Жени... Что он подумает обо мне? Что он вообще обо мне думает?» Она вздохнула и потянулась к телефону. Набрала номер Макса. Откликнулся он сам – мать была на работе.

– Привет, – сказал Макс. – Ты из редакции?

– Из дома. Сижу, крашу.

– Башку?

– Ну да. Стыдно стало.

– И какая ты теперь будешь? – поинтересовался Макс.

– Не знаю, – честно созналась Юлька. – Вообще-то должна стать Каштанкой, но, учитывая мой нынешний цвет волос... Ну да ладно. Лучше скажи, ты вспомнил то, что вчера забыл?

– Если бы я помнил, что именно я забыл, я мог бы знать, вспомнил или нет, – немедленно ответил Макс. – Но поскольку я забыл, то даже если я это уже вспомнил, все равно ни за что об этом не догадаюсь.

– Идиот, – ласково сказала Юлька. – Я не поняла ни слова, что ты там болтаешь. Не вспомнил, значит?

– Нет. Но ничего страшного, еще вспомню. Как твой роман?

– Пока никак, в три часа пойду на свидание.

– А, с новой головой... Будь осторожна, вдруг он вдохновится и немедленно дополнит свое сексуальное развитие...

– Свидание будет на открытом воздухе, так что не дополнит, – отпарировала Юлька. – И вообще, ты за меня не переживай.

– Легко сказать, – вздохнул Макс. – Мне не будет покоя, пока ты не пойдешь к венцу.

– Ничего, может, еще пойду, – успокоила его Юлька. – Кто знает.

– А тебе хочется?

– Как тебе сказать... Не знаю, Макс, – честно призналась Юлька. – То хочу, то не хочу. Дело темное. Ну ничего, сегодня, может, что-то прояснится?

– Желаю счастья. – Макс чмокнул воздух возле трубки.

– Пока, – довольно грустно отозвалась Юлька и пошла мыть голову. Когда она уже вытирала волосы полотенцем, раздался телефонный звонок. Она чертыхнулась: «Максу больше делать нечего, обрадовался, что я дома!»

– Да? – сказала она довольно нелюбезным тоном.

– Можно Юлию? – вежливо спросили ее.

– Это Юлия. Кто говорит?

– Вы меня не знаете, – ответил мужской голос. – Но я кое-что знаю о вас и еще об одном человеке.

– Не понимаю, о чем вы?

– О Евгении Ручникове.

– Не знаю такого, – резко бросила Юлька и тут же поняла, что речь, судя по всему, шла о Жене. Больше ни одного Евгения среди ее знакомых не было.

Голос не унимался:

– Это очень важно. То, что я хочу вам рассказать о нем.

– Так расскажите, – раздраженно сказала Юлька. – Позвоните мне позже, когда я высушу голову, не могу же я так стоять. Позвоните через двадцать минут.

«Странный голос, – подумала она. – То есть в самом голосе ничего странного, но звонок странный. Что он может мне такого сказать? Что с Женей? И почему этот тип мне звонит?»

– Кстати, откуда у вас мой телефон? – спохватилась она. – И вообще, кто вы?

– При встрече я вам все объясню, – пообещал голос. – А по телефону – уж извините... Увидеться надо как можно скорее. Ведь вы встречаетесь с Ручниковым?

– Это вас как-то касается? – осведомилась Юлька.

– Да, – просто ответил голос. – Я должен вам кое-что сообщить. Жду вас сейчас по адресу: Соляной переулок, дом двенадцать, квартира пять. Знаете, где это? Это от Пушкинской площади...

– Я знаю, где это. – Юлька потерла полотенцем голову. – Но я не собираюсь туда ехать. С какой стати? Кто вы?

– Я вам все объясню.

– Объясните сейчас.

– Не могу, – настаивал голос. – Не по телефону.

– Я не приеду, – твердо заявила Юлька.

– Вы должны... – начал голос, но вдруг оборвался. – Что

за черт?! – пробормотал он тихо и удивленно. – Кто там открывает дверь?!

– Что случилось? – в свою очередь спросила Юлька.

Голос ей не ответил. Видимо, говоривший положил трубку рядом с аппаратом и пошел куда-то посмотреть, что происходит. Юлька плотнее прижала трубку к уху и смогла убедиться, что там действительно что-то происходило: в трубке слышался какой-то шорох, стук, потом треск... Юлька прислушивалась, затаив дыхание, как вдруг ей в уши ворвался крик. Кричал мужчина – кричал отчаянно и страшно. Юлька вскочила.

– Боже, – пробормотала она. В трубке все смолкло. Кто-то подошел к телефону, взял трубку и стал слушать. Юлька затаила дыхание. Тот, кто взял трубку, – тоже. «Это не тот, кто мне звонил, – поняла Юлька. – Тот бы что-нибудь сказал... Это тот, другой, который вошел в квартиру... Что там случилось?! Почему он молчит, о господи?!» Юлька сама не знала, почему она-то молчит, почему не спросит взявшего трубку, кто он такой и что все это означает. Она только смутно догадывалась, что надо молчать, ни в коем случае не подавать голоса. Она только повторяла про себя: «Соляной переулок, дом двенадцать, квартира пять». Наконец тишина оборвалась. Там просто-напросто положили трубку.

Юлька, совершенно обалдевшая от всего происшедшего, тоже положила трубку. Некоторое время она тупо глядела перед собой. Потом посмотрела на часы. «Половина перво-

го, – машинально отметила она. – Скоро надо будет ехать на работу... Боже мой, что там случилось в Соляном переулке? Как страшно он кричал. Может, вызвать милицию? – Она нервно расхаживала по кухне. – Вот так сразу – милицию? Может, просто приятели подрались... Нет, он же сказал: «Кто там открывает дверь?» Значит, в его квартиру кто-то зашел, причем явно неожиданно, против его воли. Потом какие-то шумы, по телефону не поймешь, что это такое... А потом – этот крик. Что он хотел мне сказать? Как узнал мой телефон? И какое ему дело до того, встречаюсь я с Женей или нет?! – Юлька взяла фен и принялась торопливо сушить волосы. – К черту, сейчас я поеду туда и посмотрю, что случилось... Милиция никуда не денется. Нет, ехать нельзя...» Юлька в отчаянии посмотрела в зеркало и на минуту отвлеклась. «А что, неплохо покрасилась, – подумала она. – Так лучше. Вполне нормальный цвет... Так что же мне все-таки делать?»

Еще одна выкуренная сигарета способствовала решению. «Ехать! – Юлька упрямо сжала губы. – Сначала посмотреть, что там случилось и случилось ли вообще, а только потом... Иначе можно во что-нибудь вляпаться... А так я буду просто свидетелем. Все, еду!»

Домом под номером 12 в Соляном переулке оказался красивый, кремового цвета особняк начала века. Юлька поднялась по широкой лестнице и остановилась на третьем этаже перед высокой дверью, на которой красовалась цифра 5.

Поколебавшись, она протянула руку и позвонила. Подождала минуту, прислушалась. Тихо. Позвонила еще раз. Ничего. Наудачу толкнула дверь, по виду плотно запертую. И дверь бесшумно открылась. Юлька замерла.

«Вот сейчас самое время убежать, – сказала она себе. – Или вызвать милицию? Открыто... Что это значит?» Ругая себя последними словами и уже предчувствуя, что будет во всем раскаиваться, она переступила порог и оказалась в небольшой прихожей.

– Эй? – негромко позвала она. – Есть кто?

Никто не отозвался. Тогда, сделав несколько шагов, она заглянула в ближайшую комнату. Сразу отметила, что в ней никого нет. Осмотрелась. Комната небольшая, тесно заставленная старинной мебелью. Много книг. Письменный стол с ужасающим хаосом бумаг. Открытое окно. Белая легкая штора, раздуваемая сквозняком. Юлька вернулась в коридор.

– Есть кто дома? – спросила она еще раз. И чуть не упала: из другой комнаты донесся резкий, немного искусственный голос, повторявший с какой-то однообразной горестной интонацией: «Дома, дома!»

Юлька схватилась за горло, и тут что-то маленькое метнулось ей прямо в лицо. Юлька присела на корточки, а это маленькое, сделав круг по прихожей, уселось на верхушку бронзового бра. Это оказался зеленый волнистый попугайчик, который, вертя маленькой головкой, внимательно рас-

смастривал Юльку. Она еле перевела дух. Попугайчик почему-то ее успокоил.

— Есть кто? — с опаской повторила она вопрос и заглянула в ту комнату, откуда вылетел попугайчик. И замерла на пороге. В комнате, на полу, лежал труп. То, что это труп, она поняла сразу, хотя ей в жизни не приходилось видеть мертвецов. Мужчина лежал как-то уж очень неестественно, широко раскинув ноги и неловко подогнув под себя одну руку. Казалось, что он пытается вытащить что-то из-под собственной спины. Его лицо, запрокинутое назад, было совершенно Юльке незнакомым. Она стояла как вкопанная.

«Что делать?... — пронеслось в ее голове. — У него дыра там, где сердце... Это убийство. В него стреляли... Почему я не слышала выстрела?» Ее охватил ледяной ужас, и она резко обернулась. Ей вдруг показалось, что за спиной кто-то есть. Но там был только попугайчик. Юлька быстро обежала оставшиеся помещения, осмотрела туалет, ванную, кухню — тщательно следя за тем, чтобы ничего не касаться руками. Руки она для этого сцепила за спиной. Никого. Только труп неизвестного ей мужчины. Она вернулась в комнату и снова посмотрела на него.

«Я не знаю этого человека, — подумала она, пытаюсь сохранять спокойствие. — Но он почему-то знал меня. Это — хозяин? Ведь он не может быть гостем: у него на ногах тапочки... Трудно себе представить, что убийца, войдя, переобулся, чтобы не испачкать пол. Нет, я говорила именно с

этим человеком. Он настаивал на нашей встрече. И хотел что-то сказать мне о Жене. О Жене? Как фамилия Жени? Надо узнать! Ручников, Ручников... Что-то очень важное хотел сказать мне этот человек... Но что же мне делать? Надо звонить в милицию, он не может так лежать. Но откуда звонить? С этого телефона нельзя, на нем должны быть отпечатки пальцев убийцы, если, конечно, он был не в перчатках... Вот как полезно читать детективы. Я позвоню из автомата, и подальше отсюда... И ни за что себя не назову. И надо драпать отсюда поскорее».

Юлька ужом выскользнула из квартиры, закрыв за собой дверь ногой, тщательно, поминутно оглядываясь на пустую лестницу, вытерла носовым платком дверную ручку, большой участок двери возле косяка и кнопку звонка. Потом сложив голову бросилась вниз по лестнице. Отойдя подальше, выбрала одиноко расположенный телефон-автомат. Убедилась, что поблизости никого нет, набрала «02».

– Алло! – торопливо заговорила она, как только ей отозвались. – Здесь в Соляном переулке, дом двенадцать, квартира пять, лежит мертвый мужчина. Больше ничего не знаю, отношения к этому не имею. Кладу трубку.

С выскакивающим из груди сердцем она повесила трубку и быстро зашагала прочь от телефона.

Юлька отправилась на работу пешком, чтобы немного проветриться. «Зачем я пошла туда? – укоряла она себя. – Теперь этот мужчина так и стоит у меня перед глазами. Надо

было просто выйти на улицу, позвонить из автомата и сказать, что в Соляном переулке что-то случилось. Кто же он был? Почему позвонил мне? Откуда у него мой телефон?»

Внезапно она остановилась перед какой-то витриной, пораженная этой мыслью. «Мой телефон! Он ведь должен быть где-то у него записан... А это значит, что рано или поздно ко мне обратятся. А если я все же оставила там какие-то следы... Боже мой, тогда случится что-нибудь ужасное. Как я докажу, что ничего не делала, что только зашла и вышла?! Скажут – почему не назвала себя, когда вызвала милицию? А чем я могла бы им помочь? Всего-навсего тем, что назвала бы им время его смерти: в полпервого, я еще посмотрела на часы... Только подумать, что я могла говорить с убийцей! Я слышала его дыхание, он дышал в трубку и молчал. Господи, как хорошо, что я смолчала. И это при моем-то языке. Могла погубить себя. Ведь это все равно что присутствовать при убийстве. Он решил бы, что этот несчастный успел мне что-то сказать...» Юлька вдруг увидела себя в зеркале витрины. Темноволосая девушка с испуганными голубыми глазами. Одна рука прижата к горячей щеке. На синей блузке расстегнута лишняя пуговица. Она машинально застегнула ее. Отвернувшись от витрины и пошла дальше. В голове роились мысли одна ужаснее другой.

«Кем был этот человек? Лицо приятное, глаза закрыты... Но даже будь они открыты, я все равно бы его не узнала, потому что никогда не видела его раньше. А он меня все же

знает... Или не знает, но хотел бы узнать... Как все это ужасно! Как ужасно! И даже Макс у я не смогу рассказать».

Она резко остановилась, создав в толпе пробку. Ее пару раз толкнули, и только тогда она пришла в себя. «А ведь мне теперь нужно алиби, – пронеслось у нее в голове. – Мне необходимо алиби на случай, если меня обвинят в убийстве. А волосы? Вот и волосы пригодились. Все видели на работе, что я ушла оттуда рыжая, а приду каштановая. Значит, минимум часа полтора ушло на окраску и мытье головы. Да и место для такой процедуры надо подходящее, не в квартире же жертвы я красилась! Значит, дома! Значит, время на дорогу домой, на окраску, потом разговор с Максом... Вывернусь. Боже, до чего я дошла, уже придумываю алиби».

Юлька грустно побрела дальше. «Во всяком случае, я звала милицию, – успокоила она себя, – и совесть моя чиста... Жаль, что нельзя сказать Макс у... А почему нельзя? Нет, Макс у надо сказать».

Она добралась до работы только в начале четвертого. Женя, злой как черт, расхаживал перед железным крыльцом. При виде ее он оживился.

– Я заходил уже туда, и мне сказали, что ты пошла за простоквашей, – встретил он ее хмурый взгляд. – Долго же ты ходишь.

– Ладно, прости, – буркнула Юлька.

– Юля, я хотел сказать, что не получится пообедать, – торопливо заговорил Женя. – Нет времени. Давай просто по-

сидим здесь во дворе, покурим. И я поеду.

– Хорошо, – махнула рукой Юлька. – Подожди только еще чуточку. – Она поднялась по лесенке и прошла в наборный зал. Гоша и Сергей встретили ее изумленными восклицаниями:

– Ну, ты даешь!

Юлька не сразу поняла, что они имеют в виду ее голову.

– Все в порядке? – хмуро спросила она. – Полковник меня не спрашивал?

– Несколько раз заходил и между делом спрашивал, где ты. Ты у нас уже и за кефиром ходила, и за молоком, и за сметаной...

– Ладно. Это все?

– Все. В конце концов он, наверное, понял, что ты ушла, и больше не спрашивал. Да, еще к тебе заходил шикарный парень в белом пиджаке, мы сказали, что ты пошла...

– «За простоквашей», – передразнила их Юлька. – Он и сейчас там.

– Слушай, это твой кавалер? – поинтересовался Гоша.

– Вроде того. Я пошла, привет!

Она мрачно чмокнула воздух и вышла во двор. Там ходил Женя, впрочем, это хождение скорее можно было назвать метанием.

– Я долго? – равнодушно спросила его Юлька. – Прости. И не бегай так, у меня в глазах рябит.

– Не буду. – Женя резко остановился, извлек из кармана

пачку сигарет и предложил ей. – Черт, зажигалку куда-то дел.
– Возьми мою. – Юлька протянула ему зажигалку.
– Постой, она должна быть здесь... Черт, неужели потерял?

– Далась тебе эта зажигалка, – так же равнодушно протянула она. «Что хотел рассказать про него этот человек? – думала Юлька. – Что-то важное... С ума сойти!

Может, у него тоже есть семья, как у моего папочки?» – Не волнуйся так... – Она щелкнула своей зажигалкой и протянула ему огонь. – На... Слушай, ты, часом, не женат?

– Что? – обалдело переспросил Женя. У него был какой-то замученный вид, и она даже пожалела его. – Что ты сказала?

– Ты не женат, говорю?

– Пока нет. А почему ты спросила?

– Так... У тебя какой-то странный вид...

– Нет, я не женат, – нервничая, ответил Женя. – Но чувствую себя все равно плохо.

– Что-нибудь случилось? – без особого интереса поинтересовалась Юлька. – Что-то серьезное?

– Нет, ничего не случилось... – Женя продолжал обшаривать свои карманы. – Черт, где все-таки моя зажигалка?

– Да что ты привязался к этой зажигалке! – вспылила Юлька. – Выронил где-нибудь. Зачем вообще было приходить, раз, кроме своей паршивой зажигалки, ты ни о чем не можешь говорить? Все, пока!

Она сделала попытку уйти, но Женя поймал ее за руку.

– Юль, постой, не сердись. Я немножко не в себе...

– Я и спрашивала – случилось что?

– Да нет... То есть да... Но это не важно.

– Значит, сегодня мы оба будет зализывать раны... Развлечений не будет?

– Прости, мне сегодня немножко не до того, – извинился Женя. Потер лицо ладонью, на пальце ослепительно блеснуло кольцо. – Завтра мы обязательно увидимся... И что-нибудь придумаем.

– Хорошо, – с трудом выговорила Юлька. – Завтра...

– Юля, что с тобой?

Но она уже почти не слышала его. Она опять задыхалась – так же, как в предыдущие разы. Чьи-то невидимые сильные руки сдавливали ей шею, закрывали доступ воздуху. Она схватилась руками за горло. Женя подхватил ее и не дал ей упасть.

– Юля! Юля!

Она слышала его, но как-то смутно. «Удушье. Нечем дышать. Воздух. Мама. Мама...»

Она сидела в его машине, на переднем сиденье, рядом с местом водителя. Дверца машины была открыта, и ее ноги свешивались наружу. Женя сидел рядом, поддерживая ее голову. Она дышала – жадно, взхлеб.

– Проклятая жара, – сжав зубы, сказал Женя. – Это все от жары. Мне тоже сегодня плохо. Боюсь, что вот-вот вырвет,

прости за такие подробности...

– Ничего... – пробормотала Юлька. – Подробности так подробности... Это ты меня прости.

– Послушай, такое происходит с тобой каждый день?

– Нет, – прошептала Юлька, – только три дня. Зато подряд.

– Юля, тебе надо показаться врачу. Мать тебе найдет классного специалиста.

– Подожди с этим... – пробормотала Юлька. – Лучше... отвези меня домой. Если можешь.

– Конечно. Поехали.

Они то и дело попадали в пробки, движение было очень плотным. Женя чертыхался, она равнодушно смотрела в окно. Мыслей в голове не осталось никаких. Только то и дело всплывала та картина, которую она застала в Соляном переулке: мужчина с дырой в груди. «Какая большая дыра, – подумала Юлька. – А я-то думала, что дырочки от пуль маленькие... Или это кровь, а не дыра? О чем я думаю, боже мой... Как погано на душе... А может, дома меня уже ждет милиция? Кто знает, может, у него был записан мой телефон? Вдруг они уже нашли его и звонят? Бедная моя мама, она просто сойдет с ума... Да и я сойду. Маме – ни слова. Никому ни слова. Только Макс. Он умный... Он что-нибудь придумает».

– Мать очень хочет познакомиться с тобой, – прервал молчание Женя. – Ты должна прийти к нам в гости.

– Должна? – вяло спросила Юлька. – Почему – должна?

– Ты как во сне... Прости, ты еще не отошла...

– Я в порядке. Что, ты уже сказал им, что решил на мне жениться? – поинтересовалась Юлька.

– Ну, не прямым текстом... Но дал понять.

– Ты безумец. А они что?

– Они страшно обрадовались.

– Скажешь тоже...

– Да, я тебе еще ничего не сказал про твой цвет волос, а он просто изумителен. Знаешь, мне всегда нравились шапки, – признался Женя.

– Странный вы народ – мужчины, – вздохнула Юлька, – не поймешь вас. Вот я тебя, признаться, совсем не понимаю. Ведь когда ты меня увидел, я была блондинкой. Стой, куда едешь?

– Извини, чуть не проскочили. – Женя притормозил и въехал во двор. – Я тебя тут покину, выходить не буду. Чувствую себя неважно...

– Ладно-ладно... Езжай. – Юлька равнодушно помахала ему рукой.

Она проводила машину глазами и решительно направилась к подъезду, где жил Макс.

Глава 4

– Если все, что ты рассказала, – правда...

– Ты сомневаешься? – с отчаянием в голосе спросила Юлька. Она металась по комнате Макса, выкуривая очередную сигарету.

Только теперь, рассказав ему все, что случилось с ней за день, она почувствовала настоящий ужас. До этого все увиденное ею в Соляном переулке казалось чем-то нереальным.

– Сядь, пожалуйста, – попросил ее Макс. – Не бегай так, у тебя поднимется температура.

– Тебе бы все шутить. – Юлька плюхнулась в кресло. – Но ты ведь веришь мне?

– Вроде верю... – пробормотал Макс. – Хотя поверить трудно. И ты убеждена, что никогда его не видела?

– Никогда!

– А ты его хорошо рассмотрела?

– Да, говорю тебе! Он лежал лицом вверх... О боже мой...

Ее передернуло. Макс с жалостью наблюдал за ней.

– Скверно, что ты туда входила... Могла и вправду что-то там обронить, за что-нибудь взяться... Ты проверила, у тебя все вещи при себе?

Юлька принялась лихорадочно копаться в сумке.

– Кошелек, ключи, расческа, проездной... А, еще зажигалка. Все на месте.

– Хорошо, – вздохнул Макс. – А теперь припомни, за что ты там бралась.

– Только за дверь и звонок, но я все вытерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.